

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- В. Н. БАДМАЕВ заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Г. В. ДРАЧ профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ
- Т. И. ЕРОХИНА проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института, доктор культурологии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- С. Ю. ИВАНОВА главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- С. Н. ИКОННИКОВА профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОНЕВ заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КУТЫРЕВ профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
- Д. Э. ЛЕТНЯКОВ заместитель заведующего сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук
- И. В. МАЛЫГИНА заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор
- Ф. Т. МАМЕДОВ профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук
- А. П. МАРКОВ профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- А. Л. МАРШАК главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. ПРОДАНОВ профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
- М. Я. САРАФ профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ

М. В. СИЛАНТЬЕВА	профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. Ф. ФЕДЬКО	доцент кафедры журналистики СПбГУП, генеральный продюсер киностудии «Корона-фильм», генеральный директор интернет-канала «Война и мир»
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Коллеги, начинаем работу нашей секции. Обозначенная в ее названии проблема не потеряла своей актуальности, о чем свидетельствуют состав участников и острая проблематика представленных тезисов. На пленарном заседании и в панельных дискуссиях были обозначены актуальные проблемы и высказаны интересные идеи, которые мы должны с вами обсудить.

Я хочу предоставить слово председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я хотел бы вас поприветствовать и сказать, что здесь собрался цвет гуманитарной мысли Санкт-Петербурга и России, а также замечательные зарубежные гости. То, о чем говорится здесь, чрезвычайно важно. Наш Университет является сегодня, пожалуй, крупнейшим в мире научным центром по исследованию деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева. Мы ведем сайт Лихачева, где выложены все его работы. Но самое главное — нашим Университетом за годы с момента ухода из жизни Дмитрия Сергеевича, нашего Почетного доктора, выполнено более 160 крупных научных работ, осмысляющих деятельность Дмитрия Сергеевича. И сегодня мы понимаем, что Лихачев — это один из ученых-энциклопедистов, возвращающих в гуманитарные науки традиции интегрально, энциклопедического знания.

Совершенно неслучайно сложилось так, что Лихачев вторую половину своей жизни очень активно расширял свои интересы — от литературоведения к масштабному исследованию культуры. И наши работы о Лихачеве публикуются сегодня в ведущих экономических, юридических, философских и других журналах. Книги, выпускаемые нашим Университетом, интегрально освещают его работы. Оказывает-

ся, что действительно сегодня огромный потенциал скрыт именно в междисциплинарном, комплексном исследовании культуры — во всем ее величии и истории становления, к чему Дмитрий Сергеевич шел всю свою сознательную жизнь. Он создал «Декларацию прав культуры», понимая культуру как все, что сделано руками и разумом человека за время существования человечества.

Вчера была скромно представлена новая книга работ Лихачева о культуре. Десять лет назад, к столетию Дмитрия Сергеевича, мы из 1300 его трудов выделили работы о культуре. Получилось около 40 работ, мы их определенным образом сгруппировали и издали в виде книги. Когда мы над ней работали, то вдруг поняли, что Лихачев не просто высказывался о культуре, не просто писал очень интересные работы о различных ее направлениях, а создал свою теорию культуры.

Так же как создал свою теорию культуры, к примеру, академик В. С. Степин. Мы это тоже увидели, когда собрали все, что он написал о культуре.

Я считаю, что мы сегодня должны смотреть на Дмитрия Сергеевича как на одного из основоположников культурологии. Он сам не думал о создании этой науки, у него не было такой задачи. Вообще словосочетание «Лихачев-культуролог» стало появляться уже в самом конце его жизни, а может быть, даже в 2000-х годах, после его ухода из жизни. Интересно, что Дмитрий Сергеевич, как человек старой эпохи, для которого религия имела в жизни очень большое значение, к очень многому шел интуитивно, через нравственное чувство понимая, куда надо двигаться. И не всегда логическим мышлением, а интуитивно оперируя огромным массивом информации о культуре.

В этом году мы издали те же самые работы, что и 10 лет назад, но совершенно иначе их сгруппировали — так, что сегодня очень хорошо виден вклад

Лихачева в развитие современной культурологии. Лихачев — как бы предтеча очень многих важных идей сегодняшней культурологии, которые сейчас очень активно развиваются другими специалистами. Но, группируя работы Лихачева, я считаю, мы делаем определенный методологический прорыв и помогаем нашим философам и культурологам ввести их в научный оборот наиболее концентрированно. Мы, конечно, понимаем, что у научной общественности нет времени, чтобы исследовать и переосмыслить 1300 работ Лихачева.

Конечно, Лихачев — гений нашей науки, выдающийся светоч мысли, и мы здесь развиваем то, что он делал на протяжении своей жизни. У нас есть замечательная фотография, сделанная в 1993 году, на которой он открывает первую выставку наших трудов. Тогда он сказал: «Многие университеты славны своим прошлым, а этот Университет славен своим будущим». Я рад, что мы здесь вместе продолжаем дело Лихачева и многих других выдающихся российских ученых-гуманитариев. Думается, что в России немало сделано в плане осмысления истории философской мысли. Институт философии внес огромный вклад в это направление. Я очень рад, что сегодня здесь присутствуют живые классики философии. Но нам еще очень многое предстоит сделать в плане осмысления истории нашей культурологической мысли.

Глубоко убежден, что культурология совершенно неслучайно сделала такой прорыв именно в России. В нашей стране всегда ощущалась культура как некая особость, целостность во всем своем динамизме, полноте, о чем говорил Лихачев.

Еще раз напомню высказывания академиков Степина и Гусейнова, что философия обязана быть практической наукой. Мы очень часто уходим в дефиниции, какие-то частности, а люди ждут сегодня от философии ответов на актуальнейшие практические вопросы жизни. Мы на Лихачевских чтениях всегда будем идти навстречу жизни, навстречу самым актуальным проблемам. И я уверен, что если бы Дмитрий Сергеевич Лихачев дожил до 110 лет, то он сегодня находился бы в этой аудитории, среди замечательных умов России. Я ощущаю, что его душа с нами.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Прежде чем мы начнем нашу дискуссию, прошу сказать несколько слов академика Валерия Александровича Тишкова, который исследует многонациональный российский народ, проблеме нации и национализма и одним из первых реабилитировал понятие «национализм», сказав, что национализм может быть и продуктивным явлением.

В. А. ТИШКОВ: — Мне хотелось бы обозначить позицию, которая сегодня существует и является общеразделяемой в полемическом дискурсе (я имею в виду мировую и российскую науку, которая немного отставала в этом плане, и общественно-политическую практику, включая позицию высших должностных лиц Российского государства): на сегодняшний день никто не дал точной формулировки такой категории политики и науки, как нация, несмотря на длительные споры.

Категория нации используется как минимум в двух смыслах, и тот и другой в какой-то мере имеют на это основания. В 1989 году в первом номере журнала «Вопросы философии» вышла моя статья «Забывать о нации (постнационалистическое понимание национализма)», в которой я писал, что две формы социальных группировок борются за исключительное обладание термином «нация» — это государственные и этнические, этнокультурные сообщества. В принципе и те и другие имеют право на его применение. Можно вообще отказаться от использования этого термина, потому что он не носит всеобщего характера и описывает явление горизонтально, в формальном смысле. Китайцам даже пришлось изобретать иероглиф, чтобы обозначить категорию «нация», применимую ко всем жителям страны, не только к китайцам. Существовали и другие претенденты на то, чтобы называться нацией, включая *queer nation* (30 лет назад я видел такую демонстрацию в Сан-Франциско, но тогда не знал, что *queer catcher* — это ЛГБТ-сообщество, которое называет себя нацией *queer*).

На сегодняшний день нация — безусловно, всеобщее распространенное явление, это согражданство, люди, находящиеся под одной суверенной властью, обладающие социальной, экономической и культурной общностью, и самое главное — принадлежащие к одному народу. Если речь идет о нашей стране, то к российскому народу — мы россияне.

В этом случае все становится на свои места, даже прилагательные, которыми мы всегда пользовались, не предполагая категории нации в гражданском смысле: например, национальные интересы, национальный доход, лидеры нации, здоровье нации, национальная команда сборной России. Речь идет о российском народе как о гражданской нации.

У якобинской традиции понимания нации как согражданства есть противники — радикальная демократическая позиция, считающая, что если нет равноправных граждан, то нет и гражданской нации. Один из моих оппонентов Эмиль Паин до сих пор придерживается такой позиции: если в России авторитарный режим, то о какой гражданской нации можно говорить? Эта позиция, на мой взгляд, ущербна, потому что мы не найдем такую гражданскую нацию, где бы не было авторитарных режимов (с точки зрения демократического развития). Получается, что на период правления хунты в Аргентине нация отменяется или что не существует древнейшей китайской нации, поскольку там нет в полной мере демократической системы управления. Так что этот термин — не аргумент.

В последнее время стала актуальной еще одна альтернатива российскому проекту гражданской нации — это понимание России как цивилизации. Здесь нет открытого отрицания России как гражданской нации, но говорится о том, что не существует нации, *national state*, национального государства: в Италии живут итальянцы, во Франции — французы, в Америке — американцы. В России проживают 193 народов — такого государства больше нет, это целая цивилизация, нечто, чем можно заменить понятие гражданской нации.

У этой концепции есть сторонники, тем более что она включает евразийский и антизападный, антиевропейский посылы. Этой цивилизационной парадигмой сегодня увлечены многие — и политики, и часть академического сообщества, особенно философы, культурологи. Я считаю, что все можно совместить: крупные страны с длительной историей и высокой культурой тоже можно называть цивилизацией. В Америке даже проводятся курсы “American civilization studies”, полвека назад был написан огромный труд “American civilization”, но никто и не отрицает существования американской нации. Таким образом, эти явления абсолютно не исключают друг друга.

Россию с ее историей и мощной культурой, вкладом в мировую культуру можно считать страной-цивилизацией, как Китай и Индию. Но в Индии никто не отрицает существования индийской нации, где правит Индийский национальный конгресс, а в Китае есть понятие, охватывающее всех китайцев, а не только ханьцев.

Сохраняется и второе понимание нации — в этническом и культурном смыслах. Это восточноевропейская традиция, перенятая нами от автора марксистской теории, Ленина и Сталина. Согласно этой концепции нация — тип этнической общности, высший тип ее развития, когда этнос доходит до высшей стадии и становится нацией. В такое понимание было вложено много академических усилий (от Гумилева и Бромлея). В данном случае они для меня находятся по другую сторону баррикад и занимают органистическую позицию. Бромлей считал, что этнос — это социальный организм нации, а Гумилев — что это биологический, биосоциальный организм. Такое органистическое понимание этнонации сохраняется, обладая сильными традициями, связанными с нашей историей (в частности, в зоне влияния СССР).

Например, венгры также относят к венгерской нации всех венгров, которые проживают в том числе за пределами Венгрии, даже если они занимают высокие посты в США, Великобритании, Франции (венгерского еврея Саркози, лидера французской нации, венгры исходя из своей концепции нации считают членом венгерской нации). Это сильная позиция, и ее нельзя отменить, поскольку многие этнические общности пользуются данной самокатегоризацией.

В Канаде есть first nations (первая нация) — все индейские аборигенные народы. Они участвовали в открытии Олимпиады в Ванкувере и присутствовали на всех церемониях, для них специально соорудили дополнительную платформу, на которой зажигался огонь.

Отдельной нацией считают себя и каталонцы. В каталонском языке есть понятие каталонской нации, хотя они не отрицают, что являются членами испанской нации, потому что испанская нация — это не только катильцы, но и все граждане Испании, включая басков, каталонцев.

Гордон Браун — стопроцентный шотландец. Но будучи лидером правительства Великобритании, он стал одним из лидеров именно British nation (британской нации). Такое понимание — в этническом плане — сохраняется, за него борются. Например каталонцы судились

с Мадридом за сохранение в своей Конституции понятия «каталонская нация».

В России проживают русская, татарская, чеченская, лезгинская и прочие нации. И не надо думать, что российская нация отменяет другие в культурном смысле. Это глубокое заблуждение, непонимание, иногда намеренное оглушение более сложного явления. Российская нация — это надэтническая категория, не просто носители одинаковых паспортов, а люди, обладающие общим самосознанием, общей историей. «Бессмертный полк», радость от Олимпиады в Сочи или присоединения Крыма — везде россияне продемонстрировали единство. Все показатели свидетельствуют о том, что российская идентичность сегодня находится на первом месте по сравнению с 1990-ми годами, когда была очень сильна этническая составляющая и еще сохранялась советская. Это форма единства и многообразия, nation of nation — нация наций России. Россия, будучи гражданской нацией, сохраняет в своем составе нации как этнические общности, достигшие высокого расцвета, развития, обладает территориальной автономией в виде республик, автономных областей и краев, или экстерриториальной в виде национальных культурных автономий.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Я согласен с идеей, что наша идентичность как россиянина предполагает этнические идентичности — в этом сила России. Исторически так сложилось, что ни один народ, который вошел в Россию добровольно либо был захвачен, не исчез, как и не исчезла его культура. Это очень интересное явление. Например, в Германии регион Пруссии ранее населяли славяне, но сейчас их нет, потому что они ассимилировались, — исчезла целая культура. В России ни один народ не исчез. В этом многообразии — наша специфика.

В настоящее время перед человечеством возникают проблемы, исторические вызовы, потому что оно вступило в такую фазу развития, когда нужны новые пути, новые стратегии.

Существуют две стратегии, два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный, который включает много разных типов со своей спецификой. Общая культурная матрица сближает разные страны и позволяет отнести их к одному типу. Один вид растений или животных не исключает существования десятков тысяч растений и животных других видов.

Вскоре должен появиться новый тип развития. Ранее движение шло в русле техногенного развития, связанного с западноевропейской культурной матрицей, которая возникла в эпоху Ренессанса, Реформации, Просвещения и была ассоциирована прежде всего с научно-технологическим прогрессом, развитием экономики, гражданского общества и т. д. Все эти достижения, несомненно, дали очень многое человечеству (в том числе уровень и качество жизни и великие научно-технические изобретения).

Но в то же время породили два глубочайших кризиса — экологический и антропологический. И чем дальше, тем более они усугубляются. Возникает вопрос: как преодолеть эти кризисы? Возможно, страны, сохраняющие многообразие культур и единство, предложат новые идеи, которые могут помочь в поисках прежде всего ценностей, их новых видов. Это не означает полного исчезновения стран, преемственность сохранится.

С этой точки зрения важно понять: как решают страны (то, о чем говорил Валерий Александрович: страны как мультинациональные образования и в то же время гражданские нации) проблему исторических вызовов? Исторические вызовы предполагают длительный период. Например, перед Россией в конце XIX — начале XX века возник исторический вызов — провести ускоренную индустриализацию, потому что Россия начала отставать от Запада. И если в середине XIX столетия Россия успешно конкурировала со многими развитыми странами Запада, то уже к концу XIX столетия обнаружилось отставание. Россия должна была совершить ускоренную индустриализацию. Столыпин в свое время пытался реализовать эту программу. Но не получилось — произошли революция, Гражданская война, а исторический вызов остался. Когда к власти пришли большевики, возникла советская организация жизни и вновь в повестку дня был включен этот вопрос. И уже большевики осуществили ускоренную индустриализацию страны. Тогда Россия вошла в разряд великих держав и очень успешно конкурировала с Западом. В конце XX века вновь возникла похожая проблема. Запад осуществил научно-техническую революцию в 1980-х годах и ступил на путь постиндустриального информационного развития. Наша страна вновь начала отставать. Перестройка была вызвана именно этими причинами. Мы попытались изменить систему политической организации общества, чтобы открыть возможности для нового технологического рывка. Потом мы, как и в начале века, начали осуществлять реформы, которые, к сожалению, привели к распаду страны.

После распада возник интересный феномен. Мы стали отождествлять реформы с построением рынка, хотя реформы были не самоцелью, а средством для обеспечения технологического прорыва. И до сих пор сохраняется идея ускоренной индустриализации, технологического развития, нового рывка, технологического прогресса, которую нам придется решать. Академик Черешнев на пленарном заседании правильно сказал о том, что нужно развивать науку, технологии, пытаться решать проблемы, которые возникают в передовых областях технологического развития.

Новый технологический скачок связан с конвергентными, био-, нано-, информационными, когнитивными технологиями. Он ставит проблему сугубо философов — что есть человек на новом цикле развития. Проблематика технологической и гуманитарной составляющих науки тесно переплетается между собой. Для того чтобы решить эти проблемы, придется по-новому выстраивать системы обучения, образования, подготовки научных кадров. Следует отметить, что у нас сохранилось увлечение реформаторством

как ценность, самоцель. До сих пор распространена неolibералистская тенденция, что главное — создать рынок, рыночные отношения, потребительское общество. А дальше рынок сам все расставит на свои места. Но не все так просто.

Под новым углом зрения справедливо критикуют те ошибки, изъяны, которые существовали в организации научной деятельности и образования в целом, подготовке кадров, школьного обучения. Опыт, который существовал в Советском Союзе, был объявлен не соответствующим реальным запросам общества. Стали говорить о том, что задача образования — сформировать не творческую личность, а разумного потребителя. Все это придется заново критически осмысливать и искать новые направления развития.

Полагаю, что национальные интересы меняются. Но существуют устойчивые линии развития национальных интересов. И если им не следовать, то Россия перестанет входить в круг великих держав. Недавно президент США Б. Обама заявил, что Россия сейчас является «региональной державой», а не великой, как раньше, и должна следовать за США. Такая позиция России не подходит, противоречит нашей ментальности, истории, не соответствует глубинным основаниям российской культуры. Важно всем понимать и оценивать то, что мы связываем с нашими национальными интересами в качестве долгосрочной программы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Александровичу Кутыреву.

В. А. КУТЫРЕВ: — Вчера состоялась панельная дискуссия, посвященная бытованию культур. Различия между культурой и цивилизацией гораздо более продуктивно объясняют столкновение. Фактически происходит столкновение культур погибающих, традиционных, которые регулируют свои отношения ценностно-рационально (грех, воздаяние, честь, долг, совесть), с цивилизацией, которая регулирует свои отношения технологически, внешне и формально (право, наблюдение извне, контроль). Мы погрузились в тоталитаризм. Терроризм — безумный ответ погибающих традиционных культур на сумасшедшее поведение глобальной технологической цивилизации.

Нельзя говорить о том, что Америка — это плохо, а американцы — плохие. Это воплощение технологической цивилизации на передовом уровне, поэтому они везде ведут себя агрессивно на мировой сцене. Это детерминация будущим, которое нивелирует человека, сначала культурного, традиционного, а потом и обычного человека. Мы теряем качества собственной идентичности — возраст, нацию, пол. В передовых странах, как в Интернете, у людей нет никаких различий. Но не все люди хотят умирать и что-то инстинктивно понимают. Поэтому международный терроризм — это конфликт между культурами и цивилизациями.

Россия не находится на передовом уровне этого конфликта (мы не шайтан, а только Иблис). Нам не следует вставать во главе борьбы с международным терроризмом, пусть этим занимаются американцы. Наша задача — сохранить свои традиции и ценности.

То, что сейчас происходит, — конец истории, провозглашенный Фукуямой. Другая распространенная идея, объясняющая происходящее, — столкновение цивилизаций по Хантингтону. Но никакого противоречия тут нет. Конец истории происходит через столкновения, которые реализуются как столкновение между культурами и наступающей технологической цивилизацией. Это конфликт между культурными и технологическими отношениями. Борьба двух миров — культуры и технологии. Технологии нивелируют идентичность человека, потому что они везде одинаковы. Суть глобализма — технологизм, который пронизывает все человеческие отношения и проникает внутрь.

Если характеризовать нации и регионы, то считается, что регионализация противоречит глобализации. Регионализация — это диалектический способ осуществления глобализации, потому что регионализация разрушает национальные государства и культуры. Транснациональным корпорациям проще работать в регионах, потому что они не имеют идентичности, формируются по принципу богатства или бедности. Регионы, стремящиеся выжить, более органичны технологическому миру, транснациональным корпорациям. В этом плане можно говорить о том, что Европа погибает, превращаясь в регионы. Именно поэтому американцы благодушно относятся к федерализации на Украине: в результате такой политики исчезнет целая нация. Американцы инстинктивно везде готовы разрушать национальные культуры и поддерживают регионализацию, поскольку регионы легче проглотить, ими легче манипулировать, они вписываются в эту технологию как дисперсная масса. А культуры, поддерживаемые политиками, мешают уничтожению наций. Идет борьба с культурой и цивилизацией, цивилизация превращается в технос, техсоциум и технум. Прогресс не остановишь, так же как от смерти не уйдешь. Мы понимаем, что от смерти не уйдешь индивидуально, но субъективно действуем наоборот.

Образно говоря, глобализм можно рассматривать как течение, которое уносит нас к водопаду и над которым никто не может поднять голову. Философы должны поднять голову и призывать других сделать это. Нужно бороться даже без надежды на победу, пропагандировать просвещенный консерватизм, думать о построении общества по модели индивида и стремиться к нему. Ведь общество основано на мудрости, а не на технологиях, которые нивелируют человека. Что происходит на самом деле? Везде контроль, лозунги, призывающие к прозрачности, отсутствие тайного, личного. В этой ситуации все почему-то молчат. Сейчас философия не выполняет своей критической миссии — тогда в ней был бы хоть какой-то смысл.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Следующий выступающий — профессор Владимир Сергеевич Глаголев.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Я хотел бы обратить ваше внимание на этничность как испытание глобализацией. Являюсь сторонником точки зрения, что нынеш-

няя глобализация специфична, технологична, но принципиально не нова. История человечества отмечена целым рядом глобализационных тенденций, начиная с неолитической революции. Неолитическая революция стала тем самым глобальным фактором, который сделал нас людьми современного типа на современном этапе развития. Это было примерно 150 тыс. лет назад, или 7500 поколений (если считать, что одно поколение — это 20 лет), которые стоят за каждым из нас и генофонд которых содержится в нас в различных сочетаниях, определяя, между прочим, биологическую основу нашей этничности. Мы этнически организованные люди.

Вся история человечества, вплоть до сегодняшнего дня, — отчаянная борьба за выживание. Эта борьба не закончилась и в настоящее время. На панельной дискуссии я задал юристам вопрос относительно того, какие идеи в настоящее время обсуждаются в сфере контроля за ядерным оружием нового поколения. 71 год непрерывно шло совершенствование ядерного оружия. Выяснилось, что компетентнейшие люди ничего внятного не могут сказать по этому поводу. Это один из реальных неустойчивых элементов в судьбе. Радистка Кэт, рожая в фашистской Германии, кричала «мама» на русском языке, хотя была законспирированным представителем структуры, выполняющим ответственную государственную задачу. В этот момент сработала этническая природа, поставив под удар все усилия государства.

Когда государство ослабевает, перестает вносить устойчивый вклад в выживание той части человечества, которая находится под его юрисдикцией, неизбежно будут возникать конфликты, возвращающие на разнообразные уровни этничности.

В настоящее время происходит непрерывное разрушение традиций, что может привести к имитации цивилизованности, государственности, сверхгосударственных целей, задач и т. д. Все говорят о том, что они готовы заниматься спасением человечества от угрозы ракетно-ядерной войны, но даже документов или проектов документов, касающихся современных типов вооружений, не существует.

Имитационность национального, сверхнационального уровня управления политики — расхожая карта любых политических шарлатанов, так сказать, ресурс политического шарлатанства, но относиться к нему надо серьезно только тогда, когда последовательно будет происходить то, о чем я говорю, — действительная забота по повышению устойчивости выживания человечества.

На основе этничности можно создать огромное количество организаций по кровному родству, принадлежности к клану. Таких организаций много в современном террористическом движении и клановой системе политической жизни. Они занимаются присвоением результатов труда людей, работающих традиционно, используют научно-техническую революцию, современную глобализацию, создающую новейшие технологии высочайшего, насыщенного софистикой уровня. Они не манипулируют людьми напрямую, но делают это в своих групповых, клановых целях. Происходит эле-

ментарный разбой, свойственный этнической системе организации. Племена разбойников стояли на пути паломников в Святую землю, это обычное занятие разбойников, которые разбросаны по всему миру. Сегодня они облагоустроились, надели смокинги, выглядят вполне цивилизованно, но продолжают присваивать то, что создано не ими. Это тоже будет питать этничность, клановость, в том числе клановость людей, которые чувствуют себя маргиналами в современном мире, но имеют одну-единственную жизнь и пытаются реализоваться.

На такой феномен, как нетерпение, в свое время обратил внимание писатель Юрий Трифонов в романе, посвященном трагедии революционеров «Народной воли». Наверное, самый интересный представитель этой группы — Андрей Желябов. Двое участников судопроизводства над первомайцами-террористами считали, что Желябову и Кибальчику надо сохранить жизнь и в тюрьме заставить работать: одного — над техническими проектами (в частности, проектом реактивного двигателя), а другого — в качестве консультанта в государственных проектах. В данном случае нашлись люди, понимающие систему России и то, насколько наша страна нуждается в талантливых профессионалах, хотя убийство царя в 1881 году воспринималось как потрясение основ. Меня всегда интересовала судьба Бухарина. Он был ненавистен Сталину, но не нужно было его убивать, можно было отправить преподавать математику на Чукотку.

Эти факторы и проблемы будут актуализировать этничность и организацию по этническим признакам, когда разрушаются более надежные способы защиты стабильности и перспективы сохранения человека, оживления человечества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Георгию Александровичу Праздникову.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — По дороге в Университет я купил «Новую газету», где напечатана ерническая, издательская статья по поводу Лихачевских чтений, а основной удар пришелся на нашу секцию. Они цитируют председателя совета общества «Мемориал» Александра Маргулиса, что тема национальных интересов, проблемы национальной идентичности никогда не интересовали и не были предметом научного интереса Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это чепуха. Дмитрий Сергеевич каждым днем своего существования демонстрировал заботу о национальных интересах, проблема национальной идентичности, патриотизма всегда интересовала его. Он с тревогой писал о том, что не видит в молодом поколении патриотизма и что это опасно. Патриотизм Дмитрий Сергеевич рассматривает как нормальное свойство нормального человека: каждый нормальный человек должен любить свою семью, дом, город, свою страну.

Проблема национальной идентичности была поставлена уже в одной из первых статей «Заметки о русском», опубликованных в начале 1980-х годов в журнале «Новый мир». Видного отечественного языковеда, академика Георгия Владимировича Степанова даже обеспокоила эта статья Лихачева. Он написал письмо

Дмитрию Сергеевичу с вопросом, не вызовет ли это прилив националистических настроений. То есть эта проблема интересовала Лихачева.

Для Д. С. Лихачева всегда остро стояла проблема отношения к русской культуре: что мы дали миру и что мир дал нам? Он императивно, категорично говорил, что культура должна быть открытой. Но это ни в коем случае не исключало отчетливого понимания своеобразия русской культуры. У Лихачева есть удивительная формула «стыдливость формы», касающаяся русской художественной культуры. Художник больше озабочен правдой, истиной, нравственным смыслом, а не красотой — это важнейшая традиция русской культуры. Некоторых она даже раздражала, например московский философ Владимир Кантор говорил об этой черте русской культуры как о мессианистическом безумии. Набоков в блестящем эссе, посвященном Гоголю, дает ему указания и сожалеет о том, что Гоголь переходит границы литературы. Если художник ставит вопрос «Зачем нужно искусство и какие у него цели?», то он пропал. Гоголь отвечал на эти вопросы так: «Дело мое — душа и прочное дело жизни». Но если бы он внял советам Набокова, то получил бы еще один Набоков.

Эта линия активно развивалась, но у кого-то вызвала и раздражение. Андрей Тарковский в последнем интервью, опубликованном в середине 1980-х годов в «Литературной газете», говорит жесткие слова, что для него слово «эксперимент» в искусстве — ругательное. Художник приходит к людям с правдой о мире, которую он нашел.

Эти проблемы начинал разрабатывать и Дмитрий Сергеевич Лихачев, часто выходя за границы древнерусской литературы. Поэтому фразы из «Новой газеты» относительно Дмитрия Сергеевича Лихачева, я думаю, к нему никакого отношения не имеют.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается профессор Геннадий Владимирович Драч.

Г. В. ДРАЧ: — Я позволю себе обосновать три положения, иногда не называя выступающих, которые являются эти идеи.

Первый момент. Мне представляется, что весьма правильно поступили те, кто рассматривал терроризм как вершину айсберга. Потому что это глубочайшее, непростое явление, мы его не осмыслили в должной мере. Чтобы как-то приблизиться к анализу, сошлюсь на мнение Хусейна Насра, известного иранского теолога, философа, математика, который в середине XX века переехал жить из Ирана в Америку. Он, уже будучи в Америке, говорил о том, что Запад разрушает фундаментальные ценности человеческой жизни. Лейтмотив его рассуждений — в качестве основной западной научной истины он обращается к Френсису Бэкону и приводит известный образ природы, которая должна рожать человечеству здоровых детей. «И как же поступил Запад с этой природой?» — спрашивает Хусейн Наср. Он поступил с ней как с проституткой — взял от нее все, что можно, и выбросил. То есть в середине прошлого века было заявлено фундаментальное несо-

впадение смысла жизненных интересов человека Востока и Запада.

Сегодня мы наблюдаем фундаментальные подвижки в этой области. Вячеслав Семенович Степин тесно сотрудничает с нашей ростовской школой, с его помощью мы опубликовали работы Михаила Константиновича Петрова. Еще в XX веке Петров писал о невозможности трансплантации науки в инокультурную среду, в качестве примера приводил провал попытки трансплантировать науку в Индонезии. А сегодня мы видим необычайные успехи не только в Индонезии, но и в Южной Корее, Китае, Индии, где уже состоялась трансплантация.

Произошло коренное изменение мира. Поэтому нужно переосмыслить складывающуюся ситуацию — преодолевается ли заявленная в прошлом веке конфронтация Востока и Запада? Что сегодня несет переоснащение великих цивилизаций Востока, возможность использовать не просто науку, а нанотехнику? Здесь возникает вопрос о переходе от малой науки к большой, начиная с Эйнштейна, и о том, чем сегодня занимается наука. Она выполняет реальные задачи и задания.

Второй момент. Мы говорим об этносах, различии культурной истории и часто используем термин «архаизация», архаические корни этносов и культур. Мне хотелось бы конкретизировать материалы подобного рода, в частности обратиться к работам американского автора Артура Аткинса, в которых он дает характеристику архаического общества Древней Греции.

Третий момент. События, которые произошли в нашей великой стране, во многом стали точкой пересечения мировых тенденций. События на Кавказе отзвучиваются в Ростове-на-Дону. Мы провели в Грозном Первый международный конгресс. Я хочу поблагодарить академика Гусейнова, который подсказал нам эту идею и прислал свой материал (народы Кавказа приняли его с большой благодарностью).

Этническое богатство наших народов, этносов и страны — тот этический потенциал, который веками позволял сосуществовать народам в нашей необъятной стране. Он должен сохраняться дальше, мы должны на него опираться — только в этом случае может быть реализована идея нации как государственного общества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Фуаду Теубовичу Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Все выступающие затрагивают глубинные проблемы, которые интересуют все народы, каждое общество, нацию, государство, тем более в условиях глобализации. Мы вчера стали свидетелями замечательных панельных дискуссий, инновации Лихачевских научных чтений, которые, на мой взгляд, были достаточно эффективными.

Я хочу рассмотреть проблему диалога культур в плане использования механизмов, технологий и сказать несколько слов об азербайджанской модели мультикультурализма. На обложке книги «Культурология. Культура. Цивилизации», выпущенной под эгидой Академии государственного управления при Президенте

Азербайджанской Республики и Ассоциации культуры Азербайджана «Симург», изображена модель перехода от Homo sapiens к современному человеку, то есть антропологическая модель, которая, на мой взгляд, является решением нашей проблемы.

На пленарном заседании были выделены три подхода — это санкции (карательный подход), диалог культур и идентичность. Убежден, что вопрос можно решить только через программирование менталитета с детства, с одной стороны, и реформирование менталитета людей на основе общечеловеческих ценностей начиная с самой жизни, потому что отнять национальное, ассимилироваться мы не можем и не хотим. Нужно сделать акцент с помощью культурологической науки, исследований, просвещения, специальных международных программ, приложить усилия для формирования культурного человека, потому что одними санкциями невозможно изменить сознание. Нужно менять сознание таким образом, чтобы, оставаясь русскими, азербайджанцами, англичанами, американцами, французами, мы осознавали свою человеческую идентичность. Это возможно сделать через тиражирование определенных международных программ, но для этого мы должны принять решение и обратиться с этой просьбой в Организацию Объединенных Наций для ее финансирования.

Несколько слов об азербайджанской модели мультикультурализма. Почему мультикультурализм потерпел крах на Западе, но прекрасно развивается в Азербайджане? Потому что в этой стране он является образом жизни. Это историческая модель, придуманная давно. 2016-й на государственном уровне в Азербайджане объявлен Годом мультикультурализма. Азербайджанский народ являет собой интеграцию, синтез тюркоязычной, ираноязычной культур, зороастризма, православия, ислама, эллинистической культуры. В результате в Азербайджане ни у кого не возникает проблем (в том числе у армян, которых в нашей республике насчитывается от 30 до 40 тыс., — это один из ярких показателей). В самом менталитете азербайджанцев заложена толерантность. Азербайджан был одной из самых интернациональных республик Советского Союза. Эта традиция, культурная тенденция продолжает сохраняться, и мы ею дорожим. Сегодня в Азербайджане действует Центр мультикультурализма, имеющий свои филиалы в России, Португалии, Германии, Италии и в других странах. В настоящее время в 13 странах осуществляется реализация азербайджанской модели мультикультурализма. (Если кому-то интересно, я приглашаю вас в Азербайджан.) Прошу принять решение о формировании такой антропологической модели как метода сохранения мира.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Андреевичу Хренову.

Н. А. ХРЕНОВ: — Наша современность поражает непредвиденностью и непредсказуемостью событий, что порождает растерянность перед завтрашним днем. Вспоминается книга Э. Тоффлера «Футурошок». Хочется понять смысл новой ситуации. Один из способов,

приближающих нас к пониманию, — история. Нужно искать в ней прецеденты и циклы, которые позволят сориентироваться в современности.

Я хочу отреагировать на сказанное на пленарном заседании Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым по поводу смены терминологии в обсуждении проблем на Лихачевских чтениях. По его утверждению, в обсуждении глобализации появились новые аспекты, от диалога культур перешли к диалогу наций, каждая из которых имеет свои интересы. Национальные интересы затрудняют диалог и понимание глобализации, предмет внимания смещается с культуры на нацию. Такая трансформация предмета позволяет уточнить субъект глобализации. В наших обсуждениях нация предстает субъектом. Когда мы употребляем понятие «нация», то за ним шлейфом тянутся другие понятия: «государство», «страна», «тип цивилизации».

Россию неудобно называть нацией, потому что в ней проживает много этносов и наций. Я настаиваю на том, чтобы вопросы идеологии, глобализации, субъекта рассматривать в соотнесенности не с нацией, а с типом цивилизации. Россия — это тип цивилизации. На пленарном заседании в нескольких докладах упоминалось имя С. Хантингтона. Хотелось бы продолжить рассмотрение вопроса о цивилизационной парадигме. За понятиями «цивилизация», «тип цивилизации» стоит специфический смысл, и дело не только в лингвистическом смысле (он часто не прочитывается). Анализ интересов нации принимает прагматический, даже рыночный оборот.

За понятием «интерес» улавливаются экономические и политические нюансы. В результате в тени остаются интересы или потребность каждого типа цивилизации сохраняться, развиваться и совершенствоваться, иначе говоря, выживать, несмотря на внешние и внутренние вызовы, экстремальные ситуации, угрожающие выживанию.

В истории случалось и так, что некоторые цивилизации исчезали с арены истории, не совершив полного цикла развития. Например, Византия — цивилизация, которая ощущала вызов не только со стороны мусульманского мира, но и Запада. А статус этой цивилизации в мировой истории был приблизительно такой же, какой сегодня у Америки. Когда какая-то цивилизация оказывается в ситуации выбора, преобладает один интерес — выжить, все остальное второстепенно. Вячеслав Семенович Степин сегодня разделил интересы на главные и второстепенные.

Я могу констатировать напряжение между цивилизациями. Удивительно, но на пленарном заседании этот вопрос обошли вниманием, а ведь даже такое явление, как терроризм, без него объяснить невозможно. Только В. Л. Квинт упомянул конфликт между цивилизациями, а Г. М. Резник выразил неудовольствие по поводу усилившейся в последнее время конфронтации между Россией и Западом, которую, по его словам, нагнетают средства массовой коммуникации.

Но это напряжение всегда было в российской истории. В конфронтацию между Западом и Византией вовлекался и славянский мир (так представля-

ет эту расстановку сил Данилевский). Но Рим и Византия к тому времени уже изжили себя, свои творческие силы и должны были передать наследие новым народам. Наследниками Рима стали германцы, наследниками Византии — славяне. В этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась с помощью разного оружия, между Грецией и Римом. В этом суждении — прогноз, который в XX веке подтвердился.

Конфронтация в истории то угасала, то вновь вспыхивала. Сегодня она неожиданно достигла высокого уровня, и от нее зависит то, что происходит внутри нашей страны. Все чаще приходится слышать о том, что современная ситуация отсылает нас к началу 1930-х годов, а это десятилетие, в свою очередь, — к отдаленным эпохам нашей истории. История циклична, и проницательный историк обязательно увидит логику постоянного возвращения, казалось бы, уже ушедших в прошлое ситуаций. Такую логику, кстати, проследил философ Ахиезер в своей книге, посвященной этой теме. Параллель с 1930-ми годами возвращает из небытия фигуру Сталина: кажется, уже кто-то готов поставить ему памятник.

Интересное дополнение к тезису о политических лидерах, который высказали премьер-министр Пакистана, профессор из Ирана, польский вице-премьер Г. Колодко. Чтобы вы меня не заподозрили в симпатии к Сталину, скажу, что воспринимаю его как мифологический персонаж, а именно — Кронос, который уничтожал всех, кто мог бы занять его место. Он меня заинтересовал потому, что не только разгадал цикличность истории, но и реализовал ее, что еще больше обострило отношения России с Западом, но на какое-то время разрешило проблему. Речь идет о том, что все, что делалось, подавалось под видом марксизма, коммунизма и социализма, а на самом деле это лишь вершина айсберга, корни которого — в империи византийского типа.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Николай Андреевич ссылался на Хантингтона и его знаменитую работу о столкновении цивилизаций. С. Хантингтон высказывает две главные идеи: 1) линия разделения после холодной войны проходит между идеологиями, культурами; 2) внутрицивилизационные конфликты на международной арене переносятся в межцивилизационную сферу. В обоснование своего тезиса он приводил пример того, что уже не существует внутрицивилизационных конфликтов, а все больше межцивилизационных. Он писал примерно следующее: «У России есть проблемы с мусульманами, с Чечней, где даже дошло до военных столкновений, с прибалтийскими народами, которые связаны с западными ценностями. Но Россия решила назревающие проблемы с Украиной, потому что это два славянских народа. Это внутрицивилизационный конфликт, и поэтому он легкоразрешим». Данным примером Хантингтон проиллюстрировал свою идею. Но сегодня все это выглядит немного по-другому.

Слово предоставляется профессору Маргарите Вениаминовне Силантьевой.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Название моего выступления — «Культура как мир раскрытия свободы» — связано с постановкой вопроса, который четко обозначился на Чтениях. По-моему, очень продуктивно изучение культуры сквозь призму вопроса политического, о роли культуры и в то же время вопроса о культуре как интегрирующем механизме, способе, объединяющем людей в макрогруппы на основе общего, в том числе общих ценностей. Исходя из этого, хочу напомнить, что культура, как пишут отечественные философы, в частности Владимир Соловьев в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории», — это бесконфликтное течение жизни. Бог и война, мир и культура — как соединить эти два подхода, чтобы общество не погибло от стагнации и в то же время все не съели всех? Этот вопрос обостряет акцентированный вначале нашей сегодняшней дискуссии академиком Гусейновым вопрос о свободе. Все ее хвалят, а на самом деле это огромное бремя и напряжение, которое требуется от человека. Свобода — это действительно вызов. С такой точки зрения культура — не внешняя, а внутренняя реализация каждым человеком своей свободы. Не все люди готовы к той напряженной работе самопреодоления, которая требуется при внутреннем регулировании. Существует такой механизм, как образование, которое должно воспитывать не готового потребителя, а творческую личность.

Первый тезис: культура — это внутренние границы и умение самоуправляться, самоорганизовываться. Этот внутренний механизм сочетается с внешним — властью, управлением, политическим процессом.

Второй тезис: нельзя забывать принцип суперпозиции различных подсистем целостной системы культуры, если мы понимаем ее в политическом измерении и у нас есть идеология, например религия, власть, которую мы трактуем как государственное управление, ряд экономических, правовых векторов развития. Когда мы говорим о суперпозиции, все эти векторы действуют каждый по-своему, но складываются в нечто целое. Поэтому, когда усиливается религиозизация, не нужно думать, что полученный импульс приведет к результату, которого мы хотим достичь. Когда этот вектор объединится с остальными, может получиться нечто неожиданное. Процесс религиозизации политики и политизации религии связан не только с исламской культурой. Известны и другие общности, которые сегодня попали в эти тиски. Это объективный процесс, поэтому нужно понять, что с этим делать, не забывая о принципе суперпозиции.

Третий тезис: культура — это принципиально немассовый способ поведения. С этой точки зрения культура апеллирует к смыслу. Воспользуюсь метафорой одного из выступающих. Если мы будем рассматривать общество по аналогии с индивидом, а лучше с личностью, то не надо забывать, что у личности есть голова и предполагается разумная душа. Включается она только тогда, когда есть обращение к смыслу, живое и спокойное.

Здесь я хочу обратить ваше внимание на феномен студентки философского факультета МГУ Варвары Карауловой. Чего не хватает людям, которые погру-

жаются в политизированный терроризм? Может быть, им не хватает осмысленной тихой жизни в культуре. Они ищут ее, способ здоровой социализации, жизнь, которая протекает не во внешних симулятивных формах и не только в массовом смысле через регулятивные технологии, а идет изнутри, от этой тихой бесконфликтной спокойной жизни.

Четвертый тезис: время культуры. Здесь сегодня говорили о безвременье, которое переживается русским обществом и обществами других стран. Что такое время? Согласно установкам экзистенциализма, по Бердяеву, Хайдеггеру и даже отчасти Сартру, время — это самопревосхождение человека, реализация свободы изнутри. Если такого самопревосхождения нет, мы остаемся. И какие бы внешние лекала к нам ни прикладывались, даже очень мощная страна-культура, которая полностью погрузилась в технологии внешнего манипулирования, может исчезнуть и рассеяться, как песок в пустыне. Поэтому преодоление безвременья в культуре возможно только одним путем — через возвращение традиционного подхода, который связан с образованием. Такое образование ведет к раскрытию потенциала человека и человечества во всем многообразии возможных вариантов на разных языках в разных средах.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Ирине Викторовне Малыгиной.

И. В. МАЛЫГИНА: — Уважаемые коллеги, я хочу поделиться своими впечатлениями и мыслями по поводу того, что прозвучало вчера на пленарном заседании. Притом что тематика Лихачевских чтений в этом году во многом повторяется, все-таки появился новый сюжет, связанный с проблемой терроризма. И мы понимаем, почему. Потому что весь прошлый год прошел у нас под знаком этого страшного явления. Мы вчера много говорили о том, что существуют сложности инструментального, методологического и терминологического характера, что до сих пор очень сложно дать определение понятию «терроризм». Хотя терминологи насчитывают от 100 до 200 дефиниций этого явления. Я думаю, сложности связаны с тем, что явление это очень динамичное, оно меняется на наших глазах. И мы знаем, особенно философы это понимают, что для осмысления явления, которое нам с вами предстоит изучить, каким-то образом понять, а лучше преодолеть, нужна какая-то временная дистанция. У нас такой возможности нет, потому что все разворачивается в режиме «здесь и сейчас». Поэтому не только политические решения запаздывают в ответ на какие-то террористические акты, но, к сожалению, и научная рефлексия в этом смысле не успевает, а следует уже, скажем так, за терроризмом.

Но если сегодня невозможно дать четкую дефиницию, может быть, нам нужно пойти по другому пути и попробовать вычленивать какие-то базовые признаки этого явления? И не только такие неотчуждаемые, о которых мы вчера много говорили (обязательное наличие политической цели, насилия либо угрозы насилия), но и какие-то актуальные вещи. Например, это

мощная технологическая оснащенность современного терроризма, использование информационных технологий, стремление создать квазигосударство, то есть подвижность в области организационных форм, и наконец такая новая черта, как его визуализация, демонстративность, почти театрализация (вспомним ролики ИГИЛ).

И еще один очень важный тренд, мимо которого ни философы, ни культурологи просто не имеют права пройти. Мы с вами наблюдаем, что угроза терроризма, террористическая активность стремительно сублимируются в символическое пространство, пространство культуры — Пальмиру. Я считаю, что когда мы говорим о том, что терроризм носит исключительно экономический и политический характер, что террористы — это невежды, новые варвары, боюсь, что мы недооцениваем какие-то очень важные вещи. Посмотрите — не просто так нам сначала показали расстрел сирийских военнопленных на арене римского амфитеатра и следом за этим — разрушение статуи в Мосуле. Это вещи равновеликие для этих людей. Я не знаю, кем манипулируют идеологи террористических организаций, таких как ИГИЛ, вполне вероятно, что там есть люди с суицидальными наклонностями, неуравновешенной психикой, но идеологи точно знают, что делают.

Я абсолютно согласна с профессором Кутыревым и многими другими культурологами, которые считают, что вообще этот взрыв, даже эпоха, фундаментализмов, которыми ознаменовались конец прошлого века и первое десятилетие нового века, — это именно реакция традиционных культур на наступление на них западной цивилизации без святых и героев. Вчера мы говорили о том, что не надо оправдывать терроризм, но мы никуда не денемся от того, что там есть своя правда, и не учитывать ее — значит не понимать глубинных культурных оснований этого явления. Нам кажется, что это все случайно, просто варварски разрушено. Но не все разрушено, а кое-что продано, и тоже потому, что там есть умные люди, которые знают стоимость. Они понимают, что это действительно вещи очень дорогие, в буквальном смысле, а не только в символическом.

Идеологи религиозного исламского терроризма, как мне кажется, нащупали уязвимое место западной цивилизации. Они понимают, что у нас нет такой религии, за которую мы готовы отдать жизнь, но они точно почувствовали, что культура — это сакральная ценность для западной цивилизации. А Пальмира пережила самые стойкие западные цивилизации. Так есть связь терроризма с культурой или нет? На мой взгляд, есть. Террористы сегодня очень активно используют средства культуры для продвижения своей идеологии (опять-таки вспомним те ролики, очень талантливо снятые, как все отмечают). Вчера говорили о роли СМИ, о том, что, может быть, надо просто сделать терроризм фигурой умолчания, чтобы не искать там какую-то правду. Они обойдутся без нас. Прежде как могли узнать о каких-то подвигах воина? Да даже не воина — Герострата вспомним. Кто бы о нем знал, если бы не нашелся историк, который о нем рассказал? Да, в Древней Греции Герострат был фигурой умолчания.

Сейчас террористы не ждут, пока какой-то мастер напишет портрет, создаст эпос, они присвоили себе функцию художника и оратора. Вот они совершили акт терроризма и тут же сделали его почти текстовой культурой. Что нужно делать, как можно этому противодействовать? Мне кажется, политических решений точно не хватит, но говорить об этом сейчас у меня нет ни времени, ни достаточных оснований. Хочу только напомнить вам об одном совершенно потрясающем исследовании — «Хризантема и меч» Рут Бенедикт. Мы все помним, как оно возникало и кем было заказано. Оно возникло в разгар Второй мировой войны, потому что американцы были намерены победить японцев окончательно и бесповоротно. Что они сделали? Они стали изучать эту культуру изнутри. Для того чтобы не прогнозировать, как бы я поступил на месте моего противника, а точно знать, как будет поступать противник. И в этом смысле перед культурологами, антропологами и философами стоит эта самая важная задача.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — В принципе нет такой области социальной жизни, которая не была бы связана с культурой. Это естественно, потому что человек живет по двум программам: первая программа — генетическая, и все, что в его теле, продиктовано этой программой, геномом и воспроизводится по геному. Вторая программа — социальная, потому что человек, как существо социальное, живет в обществе, и все, что есть в обществе, как в организме, производится по такому же геному. У человека две генетические программы — биологическая и культурная. Культура играет функцию социального генома, и поэтому идею культурно-генетического кода подхватили даже политики. Недавно еще Михаил Константинович Петров писал о том, что есть генофонд, или генетический код, и социокод — это два определения человека.

Кстати, сегодня выступал профессор Г. В. Драч, который сделал очень важную вещь — опубликовал диссертацию М. К. Петрова, на которую его научный руководитель М. А. Дынник не дал положительного отзыва, поэтому защита не состоялась. И сегодня, когда мы читаем диссертацию 1959 года, это удивительное произведение, то находим одну очень важную мысль. Автор говорит, что человек определяется не только тем, что у него есть труд. Как говорил Маркс, труд определяет то, что есть человек. Есть еще одно определение, кроме труда, — это знак, который кодирует социальный опыт. И без этого не может воспроизводиться социальная жизнь. Сейчас надо осмыслить опасности попыток сделать человека более совершенным подвигом, потому что можно вообще уничтожить цивилизацию. Это очень ответственные вещи, но я хочу сделать такое замечание: противопоставление культурной цивилизации идет от Шпенглера, который имел в виду то, что научно-техническое развитие не сопровождается нравственным развитием человечества в том типе общества, который представлен западной цивилизацией. И поэтому он говорил, что прогресс технологий мо-

жет убить культуру. Но сама технология и сам прогресс тоже определены особенностями культурной матрицы этого техногенного развития.

Великие просветители-гуманисты сформулировали отношение человека к природе так: природа — это резервуар ресурсов, неорганический мир, из которого человек может бесконечно черпать ресурсы и который он должен переделывать и перепахивать, чтобы получать для себя благо. Так вот, уже в процессе развития науки выяснилось, что человек живет не в неорганическом мире и что окружающая нас среда — живой организм, и это понимание существовало во всех традиционных цивилизациях — в китайской, русской и др. Те модернизации, которые претерпело традиционное общество, сохранили какие-то отголоски понимания, что человек живет в живом организме природы и нельзя там все рушить, как слон в посудной лавке. Разрушив среду, он убьет сам себя. Для меня важно, когда мы говорим о цивилизациях (это есть и у Тойнби), что каждый тип цивилизации отличается от другого культурой, культурной матрицей. И это надо учитывать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Иосифовне Ерохиной.

Т. И. ЕРОХИНА: — Мне показалось, что проблема, которую мы хотели затронуть, уводит нас немного в другую сферу — не ту философскую, высокую парадигму, которая здесь заявлена. Но произошли три знаковых момента, которые привлекли мое внимание. Прежде всего сказанная Виталием Товиевичем Третьковым фраза о том, что надо создать некую стратегию противодействия терроризму. И в эту стратегию он предложил включить проблему формирования образа России, поскольку сейчас в средствах массовой информации этот образ представлен в очень негативном свете. Второй момент: как говорил сегодня Вячеслав Семенович Степин, мы уже не должны рассчитывать на то, что рынок все расставит на свои места. Наверное, мы должны говорить о том, что задача формирования разумных потребителей может быть и выполнена, но это все-таки не та задача, которую мы ставили перед собой. И она скорее противоречит нашим представлениям о развитии культуры. Третий момент — это вчерашнее посещение оперы с явным отсылком к массовой культуре.

В связи с этим я хотела бы поднять проблему, связанную с формированием образа России, и она действительно имеет отношение к проблеме терроризма и национализма. Геннадий Владимирович сегодня говорил о том, что терроризм — это верхушка айсберга, и одной из причин его появления, наверное, является национализм. Не обсуждая сейчас все причины возникновения национализма, отметим, что, конечно, одними из причин появления националистических настроений могут быть репрезентация и интерпретация национальных стереотипов. И я хочу сказать, что образ России сегодня создается посредством национальных стереотипов массовой культуры. Поскольку мы говорим о том, что нельзя остановить глобализацию,

то, в общем, понимаем, что нельзя остановить и процесс развития массовой культуры, и эту задачу я перед собой не ставлю. Но я обращаю внимание коллег, что современная массовая культура на самом деле очень активно обращается к национальным стереотипам. Наверное, потому, что обладает некоторыми общими чертами с ними. Речь идет о некоем упрощении, схематизации, однозначности, шаблонности — это и есть национальные стереотипы. Но национальный стереотип — это на самом деле еще и идентификация, и самоидентификация нации.

И проблема с репрезентацией национальных стереотипов, которая возникает сейчас, на мой взгляд, включает несколько моментов. Прежде всего то, что национальный стереотип формирует представление о нас у другой культуры, то есть это разграничение своего-чужого, мы это понимаем. И в данном случае через национальный стереотип воспринимают и нашу культуру. В 2010 году вышел ролик социальной рекламы, который взорвал Интернет и до сих пор является одним из самых просматриваемых. Ролик был создан какой-то французской ассоциацией правозащитников. Это образ России, распространенный в Европе. Это изображение матрешки. Показан некий создатель матрешки, который первую куклу в черном одеянии с кровавыми слезами вкладывает в следующую матрешку. Вторая матрешка, вся окутанная цепями, вкладывается в третью, которая у нас символизирует, по-видимому, «свободу» прессы: она с фотоаппаратом и заклеенным черной изолентой ртом. Эта матрешка вкладывается в ту самую, традиционную, которую мы с вами привыкли видеть, — в платке с красочными цветами и т. д. Я это говорю к тому, что исследования, которые проводятся, в частности, по массовой культуре, в основном на Западе репрезентуют образ России путем демонизации образа вождя — образа Путина. Это негативные аспекты мифологизации.

В связи с этим отмечу, что мы в свое время проводили анкетирование приезжающих в Ярославль студентов, в том числе зарубежных, прося их перечислить национальные стереотипы о России, которые они знают. Они в основном называли те, что формально относятся к культуре: балалайка, матрешка, водка, автомат Калашникова и т. п. В то же время зарубежные студенты обращали внимание, что даже наши архитектурные символы очень политизированы. Как они это объясняли? Если представляем Париж, то это Эйфелева башня, если представляем Америку — статуя Свободы, если представляем Россию — это Кремль, но не как архитектурный памятник, а как символ власти. То есть первая проблема — это интерпретация национальных стереотипов.

Вторая проблема — еще более, на мой взгляд, глубокая, потому что мы сейчас сталкиваемся с тем, что, к сожалению, и наши собственные представления о самих себе укладываются в основном в эти же национальные стереотипы. И я здесь тоже ссылаюсь на исследования, которые мы проводили среди студентов. Когда мы их просили перечислить какие-то символы России, они воспроизводили примерно те же самые — матрешка, водка, балалайка и т. д. Некоторые зарубеж-

ные и российские студенты говорили о русской духовной культуре, вспоминали Толстого, Достоевского, Чехова — это замечательно. Но когда мы просили назвать каких-то национальных героев, мифологические образы, то называли богатырей только по мультфильмам, которые сейчас демонстрируются по телевизору. То есть реально не читаем былины, не знаем историю. Поэтому я обращаю внимание на то, что для нас становится проблемой не только преодоление национальных стереотипов, как мы привыкли. Мы говорим, что надо разрушать национальные стереотипы, чтобы обращаться к культуре и ее глубинам. Проблемой для нашей собственной культуры оказывается не то, чтобы формировать национальные стереотипы — это очень сложно, потому что они связаны с архетипами, — но хотя бы знать свои национальные стереотипы и уметь их перечислить, а уже потом объяснять и интерпретировать.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору из Болгарии Василу Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Я хочу сказать о возвращении национальных интересов и наций. Основная мысль заключается в том, что в последние три десятилетия происходит возвращение нации и национальных интересов. Мы много лет жили в мире интернационализма, потом наступила перестройка Горбачева. Он сказал, что предоставляет социалистическим республикам право жить по-своему, выбрать свое направление. Сразу после этого прибалтийские республики решили, что у них есть свои национальные интересы и они пойдут своим путем. Потом так поступили другие республики. Однако пришел так называемый неолиберальный глобализм, то есть глобализация без границ, и национальные интересы опять отошли на задний план. Самыми важными стали ценности европейские, евроатлантические и т. д. Теперь происходит новое возвращение национальных интересов и наций.

В современном мире существуют три параллельные тенденции, которые создают предпосылки для того, чтобы проблема национальных интересов и наций вернулась в повестку дня. Первая тенденция — это бурный рост неравенств во всех возможных измерениях, начиная от различий в богатстве и заканчивая региональными противоречиями. Возникший в результате глобализации рынок работает на сильных и высасывает ресурсы из слабых. В настоящее время разрыв во внутреннем валовом продукте на душу населения между Болгарией и Германией составляет более 7 тыс. долларов. Это намного больше, чем было восемь лет назад, когда Болгария вступила в Европейский Союз. То же самое касается и других стран Южной Европы, например Греции, Италии, Португалии. Глобализированный рынок разделяет, а не объединяет. В результате это приводит к усилению противоречий в Европейском Союзе, вызывает кризисные процессы, конфликты, протесты, массовые беспорядки, терроризм, новую холодную войну между государствами и социальными группами.

Вторая тенденция выражается в переходе от либерального универсализма и глобализма к много-

полярности. Данная тенденция отвергает глобализм и универсализм как идеологическое сознание мирового гегемона, поддерживает возвращение к цивилизационным идентичностям. Это связано с коллапсом различных стран и нарастающими конфликтами. И третья тенденция связана с четвертой индустриальной революцией, деглобализацией, возвращением роли национальных интересов. Впервые быстро уменьшается спрос на неквалифицированную рабочую силу и, следовательно, снижается конкурентное преимущество стран с низкой стоимостью рабочей силы, что ослабляет движение глобальных инвестиций в развивающиеся страны. Резкий рост угроз ведет к увеличению спроса на защитные барьеры против политики, индустриального вмешательства посредством некоммерческих организаций и медиа, захвата ресурсов и дисбаланса на мировом рынке, роли американских рейтинговых агентств. В цифровой сфере создание собственных поисковых систем и интернет-приложений находится под контролем американских компаний. Происходит новое переселение народов. Границы, стены и заборы получают новую жизнь, постепенно заменяя потоки, характерные для неолиберальной глобализации. Появились концепции постглобализации и деглобализации в контексте особенно резко увеличивающейся нестабильности и всякого рода опасностей. Это делает вопросы усиления суверенитета государства на соответствующей территории особенно важными в контексте предотвращения нестабильности и опасности.

На месте уничтоженных между государствами стен началось ускоренное возведение новых ограждений. С 1945 по 1989 год было возведено 19 стен между различными государствами. В дальнейшем, в конце холодной войны в 1991 году, их число уменьшилось до 12. С установлением мультиполярного мира их количество резко увеличилось и в 2014 году уже составляло 64. А это в 5–6 раз больше. Только в 2015 году 15 государств приняли решение начать возведение ограждений. Берлинская стена, чье падение было объявлено триумфом либеральной демократии и символом исчезновения ограничений коммунизма, — это карлик по сравнению со стеной в 3200 км между США и Мексикой. Возведение границ — это возвращение национальных государств и наций, которые сохраняют суверенитет и следуют своим интересам в рамках данных границ. Эти три основные тенденции в итоге создают массовые установки для возвращения к национальным государствам и национальным интересам.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Михаилу Яковлевичу Сарафу.

М. Я. САРАФ: — Тема, которую я хотел бы затронуть, касается необходимости сохранения единого национально-культурного пространства. Я сформулирую два тезиса. Один касается панельной дискуссии относительно терроризма и культуры, а второй — механизма сохранения культуры. Первое. Я считаю, что культура и терроризм — явления взаимосвязанные, что терроризм системно входит в культуру. Думаю,

это бесспорно, поскольку это один из видов человеческой деятельности, но, конечно, это деструктивная сторона развития культуры. Особенность современности состоит в том, что эта деструктивность выросла в серьезную, может быть, даже мирового масштаба опасность. На панельной дискуссии Вячеслав Семенович Степин говорил, что нельзя дать определение терроризму, но другие выступившие коллеги, вообще говоря, дали это определение. Я думаю, что синтетически можно его обобщить, и мое обобщение ближе всего к тому, что сказал академик Лекторский. Я предлагаю следующее определение терроризма (разумеется, оно чисто рабочее). Терроризм — это насильственное нелегитимное принуждение лицом или определенной организацией общества в целом или какой-либо части общества к действиям на основе собственного произвольного представления о благе. Это ключевой момент, потому что представление о благе оказывается действительно произвольным. На собственном понимании блага и основываются идеи справедливости, оправданности терроризма, что приводит к острейшим конфликтам.

Второе. Культура всегда развивалась как стихийный процесс. И все помнят фразу известного классика о том, что стихийное развитие культуры оставляет за собой пустыню. Особенность современности состоит в том, что этому стихийному развитию культуры приходит конец. Она не может больше развиваться стихийно. Наступает осмысление механизмов развития культуры. Культура как самовоспроизводящаяся система сегодня начинает давать сбои, и в этом кризис культуры. Она не может себя воспроизводить или воспроизводит себя с трудом. В этом и есть ее кризисное состояние. Настало время, когда мировое общество должно выработать специальные механизмы защиты культуры, создать своего рода «спецназ» культуры. Должны быть созданы специальные организации или органы, которые будут обеспечивать, организовывать охрану безопасности культуры. Прежде всего национальной культуры, потому что именно она является главной мишенью ударов глобализационных процессов.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется ведущему научному сотруднику Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Я хочу сказать о том, что национализм как явление очень часто становится маской для прикрытия совершенно различных, но близких явлений современности. Из собственного опыта я вывела следующее понимание национализма. Национализм вырастает на национальном самосознании, но, вырастая, становится его гипертрофированной формой, которая возникает, как правило, в пограничной ситуации. Это может быть крайнее угнетение, или разрушение каких-то стереотипов, или реванш исторической травмы либо целого комплекса таковых, и т. д. Все это вырождается в национализм. Но как быть с тем явлением, когда существует национально-освободительное движение, но отсутствует национальное самосознание, то есть нет наций? Очень многие авторы пи-

сали, и, собственно, это известно, что именно в процессе националистической борьбы часто рождается нация. Но как быть в том случае, если нации и в помине нет? И что за сознание лежит в основе, например, национально-освободительного движения? Это, как правило, различные мистические и этномистические формы. Это даже не формы мысли, это то, что называется мыслеобразами. Как правило, эти национально-освободительные выступления принимали форму, понятную и естественную для той среды, в которой они появлялись. Я могу привести множество примеров из Африки, так как я африканист. Если вы почитаете Хо Ши Мина, то поймете, что он говорит о сходных вещах. Такие примеры есть и в Азии.

Как начиналось национально-освободительное движение? Одна из ранних форм широкого национально-освободительного движения (это был конец XIX — начало XX в.) — движение «Маджи-Маджи». Что такое маджи? Это святой источник. В основе этого движения лежало объединение племен на основе приобщения к этому целебному святому источнику. А руководитель этого движения Кинджикитиле провозгласил себя вестником божества, посланным для того, чтобы объединить разрозненные племена в борьбе против колониальных расистов. Я могу назвать множество таких движений, которые принимали мистические либо мистико-этнические формы, а потом с принятием христианства превращались в экзотические, утрированно-христианские формы, реже мусульманские, потому что ислам пришел позже. Так вот эти экзотические формы в конце концов привели к рождению двух мощных идей, которые стали руководящими на всех этапах национально-освободительного движения. Прежде всего это было антирасистское движение, движение против белого расизма. Как правило, всякий национализм всегда имеет очень сильный эмоциональный момент. Поэтому всякое национальное движение имеет не только свою идеологию, но и эмоциональную основу. Вторая мощная идея — это идея единения. Эти две идеи — ненависть к расизму и стремление к единению — до сих пор существуют в любом национально-освободительном движении, и не только в Африке, но и, например, среди чернокожих американцев.

Надо сказать, что чернокожее население только в Бразилии и США составляет довольно внушительную цифру — 120 млн человек. Это колоссальные силы. Это население сейчас по-прежнему испытывает те же расистские чувства и руководствуется антирасистскими идеями. Самые ранние идеологические формы появились в начале XX века. Сначала это было движение панафриканизма, затем возникла теория негритюда, которую разработал Леопольд Седар Сенгор и затем интерпретировал Жан-Поль Сартр. Так вот Сенгор выдвинул идею антирасистского расизма. В политическом пространстве такая маска национализма никогда не используется, вы не встретите в политическом дискурсе упоминания расизма, в том числе антирасистского расизма, хотя он был обоснован Сенгором. В этой теории говорилось, что для того, чтобы уничтожить всякий расизм, необходимо временно уста-

новить расизм самой угнетенной черной расы. Формы этих явлений многочисленны. Они имели очень разные и любопытные интерпретации. Например, движение растафарианства возникло в первой половине XX века и было основано ямайцем Маркусом Гарви. Это движение, замешанное на христианстве, аукнулось в Европе в 1980-е годы, когда молодежь бунтовала с лозунгом «Белая кожа — черные маски», то есть они хотели быть полностью непохожими.

В заключение я приведу два конкретных факта о терроризме в Африке, и вы сами определите его культурную мировоззренческую основу. Это две террористические организации. Первая — радикальная нигерийская организация «Боко харам». В переводе с местного языка обозначает «западное образование — грех». Думаю, комментировать не надо. Это широчайшее движение на основе ислама, количество жертв которого уже перевалило за 100 тыс. Второе движение — угандийская националистическая повстанческая группировка «Господня армия сопротивления». Это движение практически неизвестно, возникло на основе христианства, также имеет антизападные настроения. Оно направлено против лицемерия западного мира, против западного образования, против западных товаров. Это тоже одна из форм терроризма. В этом своеобразном направлении национализма очень ярко присутствует чисто цивилизационный момент.

В. А. ТИШКОВ: — Я на правах председателя сделаю один маленький комментарий. Мне кажется, мы понимаем национализм так, как он трактовался в советском обществознании. Во всех справочниках, учебниках и работах он определялся как идеология превосходства одной нации над другой. На самом же деле есть другое понимание. Мы уже перевели на русский язык книгу Эрнеста Геллнера «Нации и национализм», ряд работ других философов. У нас появилась «Новая философская энциклопедия» в четырех томах под редакцией В. С. Степина, где есть статья «Национализм». Вышел очередной том Большой российской энциклопедии со статьей «Национализм», где говорится совсем о другом понимании этого явления. Есть, конечно, крайние формы национализма, в том числе со стороны государства — так называемый гражданский национализм. Но национализм в целом — это идеология, практика нациестроительства. И сегодня давать такие упрощенные трактовки национализма — это просто идти вразрез и с наукой, и с общественно-политической практикой, в том числе с отечественной. Так что давайте внесем коррективы, потому что мы с вами уже не такие ретрограды и отстающие исследователи, в том числе и по африканским материалам. Африканский национализм как раз и был направлен против этничности. Если бы в Африке был этнический тип национализма, то там бы ни одного государства не возникло. Там складывались коалиции и образовывались новые государства на другой основе — скорее на административно-колониальной. Так что это гораздо более сложная материя.

Дальше слово предоставляется профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Я должен сказать, что не являюсь специалистом по национальным и интернациональным вопросам, но непременно сталкиваюсь с ними, когда занимаюсь проблемами глобализации. Я занимаюсь этой проблематикой не первый год, уже 10 лет издаю журнал «Век глобализации». Также необходимо упомянуть об энциклопедии «Глобалистика» (2003–2006 гг.), где представлены 650 авторов из 58 стран, и т. д. Сейчас есть огромное количество справочных изданий по этой теме, в том числе переводных. С некоторыми прозвучавшими выступлениями о глобализации наших уважаемых коллег, таких как, например, профессор В. А. Кутырев и профессор В. Проданов, я, к сожалению, не могу согласиться. Меня очень радует то, что с тех пор когда академик Иван Тимофеевич Фролов начинал разработку отечественной глобалистики, мы намного продвинулись вперед. Поэтому я бы хотел упомянуть здесь декартовское: «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений».

Что касается сферы глобалистики, которой я занимаюсь, понятие «глобальные проблемы современности» появилось прежде всего, конечно, на Западе и в немалой степени было усилено Римским клубом в 1968 году, поднявшим эту проблематику на нужную высоту. У нас этой темой занимались философы И. Т. Фролов, В. В. Загладин, Э. В. Гирусов и др. Я хочу заметить, что в литературе эти авторы вели разговор о глобальных проблемах человечества, современности, которые нужно устранить из жизни общества, преодолеть их. Я сам, будучи начинающим специалистом в этой области, когда-то писал курсовые, дипломные и прочие работы, даже кандидатскую диссертацию в таком же ключе. Но пришло время, и сегодня с высоты прожитых лет и осмысления глобализации надо задать себе вопрос о том, можем ли мы преодолеть глобальные проблемы современности и устранить их из жизни общества. Это значит, нужно устранить глобальное человечество, потому что у него по определению не может не быть глобальных проблем. В связи с этим становятся актуальными вопросы о глобальном терроризме и т. д.

Конечно, мы будем обсуждать эти вопросы, потому что они нас волнуют, но мы должны понимать, что это целый комплекс глобальных проблем. Почему мы оставляем без внимания, например, торговлю оружием, принявшую глобальный характер именно в настоящее время? А как по-другому, в глобальном обществе такая проблема не может не возникнуть? Торговля оружием и раньше существовала, ее не было, может быть, только на региональных и локальных уровнях. А наркоторговля? А что, проблема войны и мира или преодоления ядерной угрозы ослабла или стала менее актуальной, чем проблема терроризма? По существу, мы стоим на краю пропасти. Ведь и сегодня звучат угрозы, о чем говорили, например, Никита Николаевич Моисеев и Карл Саган, поставившие вопрос о ядерной, термоядерной зиме, которая наступит для человечества. Тогда проблема терроризма теряется на фоне той опасности, перед которой мы стоим.

К сожалению, я не могу подробно остановиться на всех вопросах, но на некоторых хочу зафиксировать

ваше внимание. Если говорить о глобализации, меня лично очень радует, что многие люди, которые специально этой темой не занимаются, говорят о естественном историческом процессе. Господин Колодко, например, правильно говорит, что это объективно-исторический процесс, на который выходит человечество с эпохи Великих географических открытий. Человечество от локально устроенных связей и отношений, локально организованных сообществ доросло до регионально устроенных сообществ Александра Македонского. Когда монгольские завоевания происходили, никакой глобализации не было, такого американского переворота не было даже в сознании. Не говоря уже об открытии, скажем, Австралии, Америки и т. д. Это был регионально устроенный мир.

И только с эпохи Великих географических открытий начинается реальная глобализация, которая проходит как минимум три этапа: реальная глобализация, которая происходит с XIX века; фундаментальная глобализация, когда экономика фактически становится глобальной фундаментальной сферой общественной жизни; и политическая глобализация, которая последовала за Первой и Второй мировыми войнами, по существу, являющимися двумя разными этапами одной мировой войны. В культуре тоже происходила глобализация: миссионеры распространяли язык. Посмотрите, на каком языке говорят Южная Америка, Северная Америка и т. д.? А какие религии исповедуют Америка, Австралия и т. д.? Это все результаты культурной глобализации. Еще есть и информационная глобализация. Сегодня, после того как человечество в XX веке вышло в космос и произошла информационно-технологическая революция, глобализация стала многоаспектной. Поэтому говорить о глобализации как о чем-то проекте, как бы нам ни нравились какие-то страны, или Бильдербергский клуб, или еще что-нибудь, — значит, уводить нас в ту сферу, в которой мы еще больше запутаемся. Если поставить вопрос о том, можно ли преодолеть глобальные проблемы современности, то надо отметить, что у человечества всегда ограниченные ресурсы и возможности. Потратьте свое время, свои деньги на преодоление глобальных проблем современности, и вы получите в лучшем случае разочарование. Хорошо, если у вас не опустятся руки и вы по новой сформулируете новые цели.

Вячеслав Семенович затронул очень хорошую тему о культуре и цивилизации, что эти термины надо переосмысливать. Точно так же, когда мы говорим «солнце взошло — солнце село», «звезды зажглись — звезды погасли», ни у кого не возникает ощущения, что мы говорим абракадабру. Нам не надо в это вникать, и мы живем с этими понятиями. Однако, если мы хотим построить космический корабль и полететь на Луну, придется наполнить эти понятия новым содержанием. А если не наполнить, то можно улететь на Солнце и сгореть там. Так же и понятия культуры и цивилизации требуют переосмысления.

И последнее: мы не должны говорить о культуре и цивилизации отдельно. Культура возникла тогда, когда возник человек. Говоря о человеке, мы обязательно должны вести речь о культуре. Вне культуры нет че-

ловека. Цивилизация появилась позже, когда возникли гражданские, общественно-правовые структуры. И с тех пор каждый человек и человечество в целом живут в культурно-цивилизационном контексте. Точно так же, как мы не живем сегодня в условиях отдельно научного или технического прогресса. Мы живем с Нового времени не в научном и не в техническом мире, как это было раньше, а они развивались параллельно. То есть мы живем в научно-техническом прогрессе. Мы можем говорить отдельно о научном прогрессе и отдельно о техническом прогрессе, но мы их уже не можем разорвать. Нельзя оторвать науку от техники, так же как и культуру от цивилизации. Цивилизация — это и есть культура. Французы ввели этот термин как культуру отношений, культуру смягчения нравов. Это культура связей, которая, собственно, является оборотной стороной культуры духовной, а потом уже материальной.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Аркадию Львовичу Маршаку.

А. Л. МАРШАК: — До сих пор мы говорили о важных аспектах глобализации в мировом масштабе. Но и в повседневной российской действительности сегодня присутствует глобализация. Мы рассматриваем это как неизбежный объективный процесс, который надо изучать всесторонне, находить в нем не только негативные, но и позитивные моменты. И мне представляется, что позитивная составляющая этого процесса прослеживается в такой области, как культура. Согласен, что был период, когда глобализация в российской культуре проявлялась в основном как внедрение различных элементов западной культуры, которое оказывало влияние на все сферы жизни. Но недавние исследования, проведенные нашим институтом, свидетельствуют о том, что в умах российских граждан эти элементы все дальше вытесняются на периферию. Сегодня большая часть населения ориентируется на отечественные традиции и духовность, которые формировались веками и реализуются в лучших образцах художественного творчества.

Мы, социологи, отмечаем, что каждая нация воспринимает и осваивает окружающий мир по-своему. Именно это представляет особый интерес, является ценностью национальной культуры и оказывает влияние в том числе и на мировое сообщество. Чем богаче культура отдельной нации, тем богаче мировая культура в целом. Культурная уникальность создается национальной ментальностью в процессе исторического развития.

Целый ряд комплексных социологических исследований также показывает, что различные виды и типы совершенствования общественной, государственной, художественной деятельности способствуют формированию единства культуры и цивилизации. Соглашусь с выступавшим до меня коллегой, что культура является центральным моментом цивилизационного процесса. Если рассматривать российскую действительность с этой точки зрения, то здесь главными задачами глобализационных процессов являются сохранение са-

мостоятельности и развитие многообразного единства российской культуры. Это должно проявляться в заботе о национальной безопасности, что и является сегодня приоритетом для Российского государства.

Сегодня мы отмечаем кризис культуры, который проявляется прежде всего в конфликтогенности межнациональных отношений. Более того, среди творческой интеллигенции существуют национальные объединения, которые конфликтуют между собой. Поэтому перед нами стоит задача возвращения государства и творческой интеллигенции к исконным духовным ценностям российской культуры, которая по своей сути многонациональна и отражает интересы самых разных групп населения, живущих на территории России.

Отсюда можно сделать вывод, что глобализация как тенденция общественного развития имеет как позитивные перспективы для национальных отношений, так и явные угрозы. Чтобы их преодолеть, необходимо развивать культурную безопасность. Именно с ее помощью возможно не только справиться с отрицательными сторонами глобализации, но и возродить лучшие черты национальной культуры. Все эти аспекты характеризуют такую проблему, как культурные смыслы национальной конфликтогенности России в условиях глобализирующегося мира.

В заключение несколько слов о терроризме. Это явление прежде всего надо рассматривать как историко-политическое, подходить к его определению с точки зрения исторического содержания эпохи. Сегодня мы говорим, что, например, народовольческое движение в XIX веке, нечаевщина — это терроризм. Но в те времена это было стремление к освобождению от политического гнета.

В свое время меня учили, что должны быть четкие методологические понятия, применяемые к анализу явлений. И когда сегодня мы пытаемся такое понятие, скажем, как национально-освободительное движение, рассматривать в рамках терроризма, мне кажется, что это неверный подход. В науке есть термин «занятость понятия», так вот, это понятие уже занято. Оно определено тенденциями и критериями.

Профессор Малыгина высказала идею, что терроризм надо классифицировать. Но подобная классификация — это уже в компетенции социологов. И все же если взяться за эту работу, то можно выбрать критерий формы: например, государственный терроризм, криминальный, клерикальный, экономический, этнический, семейный, а также информационный, международный, индивидуальный и т. д.

Здесь прозвучала и такая идея, что усиление контроля в аэропортах, на вокзалах, в метро приводит к нарушению свобод и тоталитаризму. На это я отвечаю так: не дай бог нам быть взорванными где-нибудь или увидеть, как это происходит с другими. То, что мы сегодня живем в относительно спокойной обстановке, — заслуга наших правоохранительных органов и тех государственных и политических деятелей, которые отвечают за безопасность народа.

В. А. ТИШКОВ: — Следующим выступит Денис Эдуардович Летняков.

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ: — Уважаемые коллеги, мы много говорим о борьбе с терроризмом, противостоянии культур, цивилизаций. Мои тезисы также на эту тему, но немного в другом аспекте, — о демилитаризации исторической памяти. Считаю, что подобная демилитаризация — одна из национальных задач России.

Мы все знакомы с понятием «историческая политика» или, как еще говорят, «политика памяти», когда правящие элиты предлагают своим гражданам некую трактовку истории. Это делается путем учреждения музеев определенной тематики, установки новых памятников или демонтажа существующих, учреждения праздников и т. д. Российское государство — не исключение, мы тоже проводим свою историческую политику. Но что мы можем сказать о ней?

По-моему, в исторической политике, реализуемой в России, слишком большой перекосяк в сторону милитаристской составляющей и, наоборот, катастрофически мало гражданских, невоенных моментов. Давайте вспомним, какие даты Россия из года в год с большим размахом отмечает на общенациональном уровне. Это почти исключительно военные события: 200 лет Отечественной войны 1812 года, 100-летие Первой мировой войны, 70-летие Победы... Попытался вспомнить гражданскую дату, которую мы так же широко отмечали в последние годы. Кроме 200-летия со дня рождения Пушкина в 1999 году, не вспомнилось ничего.

Я ни в коем случае не выступаю против памяти о войне, особенно о Великой Отечественной, и тем более в Петербурге, который пережил страшную блокаду. Было бы кощунством так ставить вопрос. Пафос моего выступления в другом. Когда-то я шесть лет проработал учителем истории в школе, а историки, как известно, всегда назначались ответственными за то, что называется патриотическим воспитанием. Так вот, в методичках, которые выдавало начальство, все открытые уроки рекомендовалось полностью посвящать теме войны, все время вспоминать какую-нибудь очередную годовщину очередной военной победы. Как будто у нас больше нет ничего такого, что могло бы воспитывать наших детей в духе патриотизма.

Кто-то может возразить: как же еще формировать общегражданскую идентичность? Что может служить объединяющей идеей? Почему нельзя напоминать о славных победах над Гитлером, Наполеоном, шведами, турками? Во-первых, я думаю, что героизация войны сама по себе неправильна, для каких бы целей это ни делалось. Во-вторых, возникает вопрос: кого может воспитать такая историческая политика? По-моему, точно не граждан. И, в-третьих, об альтернативах: что предлагать вместо? На мой взгляд, это как раз одна из наших с вами задач как гуманитариев, представителей мыслящего класса страны — предлагать такие альтернативы.

Например, после 1991 года в России оказалась почти забыта историческая составляющая, связанная с революцией. Споры нет, большинство советских празднований революционных событий были ритуальными и казенными. Но сегодня целый пласт истории, связанный с освободительным движением, вытеснен на периферию общественного сознания. Например, прошло

незамеченным 100-летие Первой русской революции, 100-летие первой Конституции, 190-летие декабристского восстания в прошлом году.

Почему мы гордимся победами над французами и турками, но не гордимся тем, что Россия была первой страной, в которой состоялась общенациональная политическая стачка, когда в октябре 1905 года полтора миллиона людей в России бастовали, требуя свобод, конституции, уважения их прав? Почему мы помним Суворова и Нахимова, но не помним Герцена, декабристов, Кропоткина? Несколько лет назад у нас появился новый праздник — 4 ноября, но и он опять с чисто милитаристским уклоном: выгнали поляков из Кремля. На самом деле годы Смуты были временем зарождения гражданского общества в России. Ведь кто были те люди, которые выгнали поляков? Это было народное ополчение — самоорганизация людей снизу. И они не только выгнали поляков, но и избрали царя на всеобщих выборах. О первых годах после Смуты и самодержавии говорят неправильно, потому что царь управлял вместе с Земским собором. Разве это не может быть предметом гордости, разве об этом не нужно говорить?

Повторяю, я не призываю к забвению военных подвигов. Но необходимо поменять акценты. Мы сетуем на низкий уровень политической культуры населения, дескать, это одна из причин, почему у нас пробуксовывает демократия после 1991 года. Но гражданская и политическая культура не вырастает сама, ее нужно создавать. И одним из ресурсов ее формирования является соответствующая историческая политика, работа с молодежью. Если мы будем, как сейчас, преподавать историю России по Карамзину и говорить, что русский народ любит сильную руку, самодержавие, крепостное право и кнут, если он всю жизнь только тем и занимался, что воевал, то граждан, я убежден, мы не воспитаем.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Валерию Николаевичу Бадмаеву.

В. Н. БАДМАЕВ: — Представлю два тезиса на тему диалога культур и мультивидения современного мира. Коллега Петр Дуткевич в первый день Чтенный отметил, что современный мир должен характеризоваться даже не многополярностью, а многопорядком. Нам нужен многоценностный мировой порядок. Действительно объективные процессы глобализации ведут к росту взаимопонимания и взаимозависимости, повышению уровня взаимодействия между культурами, цивилизациями, народами. И здесь действительно особенно важно глубокое понимание Западом Востока, Севером — Юга и наоборот. В данной ситуации мне представляется, что достаточно актуализируется дихотомия «Запад — не-Запад», которая имеет большую историческую эволюцию и сейчас приобретает все новые характеристики и свойства. Данная дихотомия может и должна быть осмыслена в контексте современности не-Запада. Что это означает? В незападных странах есть свои, особые модели адаптации к меняющемуся миру, свои системы ценностей. Для теоретизации незападной современности необходимо изменить угол зрения, то есть вновь рассмотреть современность, но с пози-

ции незападных обществ, в контексте незападных ценностей. Пока же, напротив, мы рассматриваем незападные цивилизации с точки зрения западного общества и считаем, что они отстали, что они алогичны и т. д.

В качестве примера приведу коллективную монографию, которая вышла в прошлом году, — «Цена и ценности. Экономика и справедливость в век глобальной взаимозависимости», изданную по материалам 10-й конференции философов Востока и Запада, которая состоялась в Гонолулу в 2011 году. Один из авторов — Джин Парк, директор программы по азиатским исследованиям американского университета, подчеркивая важность диалога и равенства всех в таком диалоге, призывает обратиться к буддийскому опыту конструирования идентичности. В буддийском мире не только люди, но и те, кто ими не являются, — все обладают равными правами. Мир Будды — мир абсолютного равенства, в котором даже песчинка имеет право утверждать, что она есть Будда. То есть в диалоге важно не только то, что ты думаешь о другом, но и то, что другой думает о тебе.

Второй тезис связан с выступлением Александра Николаевича Чумакова. Действительно, глобализация — процесс объективный и многогранный, включающий не только технико-технологические, экономические и политические аспекты, но в первую очередь — духовные, социокультурные, ценностные. Поэтому необходимо новое осмысление этого процесса. И опять же обращусь к ценностям буддистской культуры. Один мудрый буддистский ученый и практик заметил как-то, что нельзя отыскать столько кожи, чтобы покрыть ею весь земной шар, дабы уберечь наши ноги от колючек. Наверное, не стоит и пытаться — достаточно покрыть кожей подошвы наших ног. Иначе говоря, этот мир нельзя изменить, он объективен, но можно изменить наше отношение к нему. Возможно, это будет наш первый шаг и к пониманию происходящих процессов, к диалогу и решению проблем, возникающих в новых условиях.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА¹: — Я хотела бы предложить возможную формулировку национальной идеи. Вообще ее поиск может быть бесконечным, и сегодня в числе прочих высказывается мнение, что национальная идея будет сформулирована только тогда, когда русская нация станет государствообразующей. Но Дмитрий Сергеевич Лихачев, великий патриот России, в своих суждениях о русской нации и русской культуре справедливо призывал не забывать, что русское государство

¹ Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и диалога культур», «Родное слово К. Д. Ушинского», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования», «Женское гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX — начале XX века», «Изучение иностранных языков в гимназиях России (вторая половина XIX — начало XX в.)», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра» и др.

всегда было многонациональным и в этом всегда была сила России. Он предостерегал от того, чтобы преувеличивать национальные черты, считать их исключительными, поскольку именно в национализме кроется источник ненависти и агрессии. Дмитрий Сергеевич указывал, что согласие между людьми и целыми народами — огромная ценность и необходимое условие для жизни человечества. Эта мысль сегодня особенно актуальна для многонациональных государств, в которых наблюдается рост национальных движений. В то же время он считал, что национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, гибели ее индивидуальности. Отмечал Дмитрий Сергеевич и тот факт, что для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу.

Что же должно стать национальной идеей? Это и строительство, и развитие многонационального государства, и патриотизм, но все это очевидные вещи. А, может быть, именно культуру и образование нам следует сделать национальной идеей? Ведь Дмитрий Сергеевич Лихачев очень боялся угасания именно русской культуры. Он называл его причины: отрицание своей ценности как нации, пренебрежение своим культурным достоянием, враждебность к образованным слоям общества. И если мы хотим создать общество XXI века, если мы хотим нормального экономического, научного, технического развития, чтобы не оказаться на задворках истории, нам следует ставить стратегическую цель — сохранение и развитие культуры в нашей стране. Особенно горячо призываю молодое поколение: берегите культуру!

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Коневу.

В. А. КОНЕВ: — Когда говорят о глобальных вызовах современности, то обычно имеют в виду, что отвечать на эти вызовы должны нации, государства, политики и т. д. Наверное, это правильно. Но что делать простому человеку? Если вызовы глобальные, значит, они должны быть обращены к каждому человеку, и каждый должен найти свой ответ.

Академик Гусейнов говорит о том, что человечество существует только благодаря отдельному индивиду, который реализует человеческую идею. И мне кажется, что ответы человечества на глобальные вызовы связаны с поведением каждого из нас. Раньше человек жил в истории, которая ему открывалась через полис, нацию, государство, общественный строй и пр. Современный же человек находится в ситуации, когда на него работает история. Он пользуется всеми благами цивилизации с помощью электронных устройств и Интернета, может путешествовать по истории и культуре всех стран и эпох, любое его творение находит аудиторию, иногда очень широкую. Любое наше действие сегодня как камень, брошенный в воду: от него во все стороны расходятся круги. Каковы будут последствия этих кругов, кто за это отвечает? Тот, кто бросил камень?

Современный человек оказался человеком свободным. Кто из молодежи не знает современного лозунга

«бери от жизни все»? Да, бери что хочешь, потому что ты свободен. Так вот, это сегодня главный вызов — свобода, которая заставляет человека овладеть определенным опытом. Опыт свободы — это не то, что когда-то сформулировал Спиноза: «Познай необходимость и будешь свободным». Опыт свободы — это опыт предела, до которого ты можешь дойти, это опыт трансгрессии, переступания порога и т. д. Мне кажется, что это очень тяжелый опыт, но он хорошо осваивается по крайней мере в одном действии: в том, что называется креативным поведением. Это не совсем то же самое, что творчество. Креативность зависит от ситуации, она ограничена условиями, в которых совершается действие. Эти ограничения приучают нас к опыту свободы. Поэтому я думаю, что для современного человека ответ на те вызовы, которые предъявляет ему история, — это умение действовать согласно ситуации, креативно. Только в этом случае будут решаться и глобальные проблемы. Конечно, никакой человек в одиночку не решит проблему глобального потепления — тут должны действовать государства и международные организации, но эта проблема не будет решена, если каждый не станет создавать вокруг себя экологически здоровую среду.

В. А. ТИШКОВ: — Приглашаю к микрофону Виталия Филипповича Федько.

В. Ф. ФЕДЬКО¹: — Напомню идею Александра Сергеевича Запесоцкого, что сегодня философия должна рассматриваться как наиболее практически значимая область деятельности человечества. Но, по-моему, оценка практического значения того типа культуры, который мы рассматриваем, невозможна без ответа на вопрос: что в конце концов нужно человеку? Когда решены материальные проблемы, обеспечена безопасность — что дальше? Какова наша предельная цель? Технологические достижения, создание общества потребителей, чтобы у каждого было по сто «мерседесов»? Или царствие небесное? Или то, о чем говорят буддисты, — просветление?

На мой взгляд, важнейший для человека вопрос может быть выражен словами из песни: «С чего начинается Родина?». Понимаю, что понятие Родины не сводится к государству СССР или Российской Федерации, оно намного шире. Сегодня значение той или иной культуры и цивилизации можно определить в первую очередь тем, насколько она поддерживает возможность ответить на этот основной вопрос.

Сегодня многих тревожит феномен, который мы знаем как ИГИЛ или Исламский халифат. Почему его не могут победить? Коалиция крупнейших держав мира, обладающих самыми передовыми технологиями, не может победить террористическую организацию? Откуда в ИГИЛ бесконечное количество смертников, для которых сама жизнь оказывается вторичной относительно задач, которые они решают? Мой ответ: про-

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, генеральный продюсер киностудии «Корона-фильм», генеральный директор интернет-канала «Война и мир». Режиссер и сценарист фильмов «Переименованный город», «Семья капитана», «Подъем "Курска"», «Морская сила России», «Каспийский страж» и др. Награжден медалью «Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов».

странство халифата (во всем его спектре) существенно актуализирует вопрос «С чего начинается Родина?». На мой взгляд, они сводят этот сложный и тонкий вопрос к понятию рая с гуриями и т. п. В конечном счете это неизбежно приведет их к катастрофе, хотя, возможно, и не в ближайшее время. Но важно, что они апеллируют именно на этом уровне. И этот факт глубокого касания этого уровня, активизации его в умах и сердцах людей переводит их, как ни странно, в разряд непобедимых для культуры потребления, где «мерседесы» являются конечным смыслом жизни.

На мой взгляд, наиболее значительным фактором в победе над таким катастрофическим явлением, как ИГИЛ, может быть русская культура — из всех, что существуют сегодня. У меня есть основания утверждать это после сотни этнокультурных экспедиций на трех континентах. Из того, что я увидел и узнал (а я, например, учился в тибетском монастыре полтора года), именно русская культура наиболее приспособлена к решению основного цивилизационного вопроса, стоящего перед человеком.

В феномене русской культуры есть некая двойственность. Например, в советский период говорили о воспитании нового человека. Понятно, что когда мы говорим о русской культуре, то не имеем в виду узкое этническое понимание, которое может вводить в заблуждение наших друзей из Азербайджана или Армении. На мой взгляд, на эту тему лучше всех высказался Пушкин: «Там русский дух, там Русью пахнет». Русская культура — это объемное и тонкое явление, которое трудно определить точно. Русский дух не зависит от этнической принадлежности, достаточно вспомнить происхождение того же Пушкина.

В. А. ТИШКОВ: — Следующей выступит Светлана Николаевна Иконникова.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я с большим интересом послушала коллег и хотела бы немного развить темы, которые были ими затронуты. Это то, что имеет непосредственное отношение ко всем аспектам национальных проблем, — менталитет и национальный характер. Мы немного утратили традицию классической философии и психологии XIX–XX веков, которая обращалась к психологии народов. Что такое психология народов, национальный характер, менталитет? Национальный характер и ментальность — как они связаны между собой? Как они соотносятся, имеют ли внутренние различия? И каким образом огромный комплекс проблем сходится в национальном характере и ментальности как способе самосознания? Думаю, что эти вопросы должны стать предметом специальных научных исследований и дискуссий.

Меня все больше огорчает отстраненность многих теоретических позиций от реальной практической жизни, особенно той ее части, в которой мы сталкиваемся с различными нациями, другими традициями и отношениями. Здесь обычно происходит проецирование старых представлений, что не обосновано ни практическим, ни теоретическим знанием. Конфликтность в сфере межнациональных отношений базируется

не только на проблемах политики, глобализации и многих других, но и на психологии человека, способе его мыслительной деятельности и опыте решения конфликтов. Полагаю, что проблема менталитета и национального характера заслуживает обсуждения на конференциях и включения в учебные курсы.

В. А. ТИШКОВ: — А теперь свой вклад в наше обсуждение внесет Светлана Юрьевна Иванова из Ставрополя.

С. Ю. ИВАНОВА: — Из всех услышанных выступлений я сделала вывод. Мы констатируем, что мир находится в точке бифуркации и поиске новых смыслов. Особенно это актуально для нашей страны. В контексте проблем нового интеллектуального проекта мы также обсуждаем проблему национализма. Что нас ждет — коммунизм, интернационализм? Мультикультурализм терпит крах в Европе. Возможно, подобные социальные практики эффективны только в Канаде и Австралии. Насколько они подходят современной России?

В телеграмме председателя правительства, зачитанной ректором, прозвучал интересный термин «интеркультурализм». Что это такое, какова теоретическая основа этого нового феномена? Эти вопросы стоят сегодня перед нами, учеными-гуманитариями.

Мы сегодня говорили о необходимости интегративного проекта, может быть, не интеркультурализма, а интеграции на основе разделяемых ценностей и смыслов. Но каков набор этих ценностей и смыслов, какими методами доносить их до молодежи? Ведь молодежь — основной объект воздействия всех интеллектуальных сил. На этом поле сейчас встречаются наука и образование — две области, которые находятся в периоде перманентного реформирования. В этих условиях вряд ли можно ожидать невероятного интеллектуального прорыва, однако парадокс состоит в том, что он необходим, и общество предъявляет социальный заказ на такой интеллектуальный прорыв. Пока же мы видим только одного игрока на поле ценностей и смыслов — массовую коммерческую рекламу, которая, к сожалению, гораздо быстрее, чем интеллектуальная элита, отвечает на запросы молодежи такими слоганами, как «Наша Russia» или «Хрустteam по-русски».

Что может в этих непростых условиях наука? Мы еще помним, что писателей определяли как «инженеров человеческих душ». Я бы отнесла к этой категории и ученых-гуманитариев. Процесс воздействия на сознание молодежи должен быть осмысленным, системным и научно обоснованным. Однако принципы научности не всегда соблюдаются даже в самой научной среде. Что возможно сделать? Во-первых, уже сейчас работает система мониторинга, организованная Валерием Александровичем. В данный момент мы изучаем систему ценностей и смыслов у молодежи Северного Кавказа, потому что в нашем регионе молодежь до 30 лет составляет почти половину населения. Какие представления они имеют, о чем мечтают? Недавнее исследование этнокультурных предпочтений в области языка и литературы показало, что молодые люди, как и их родители, ценят национальную культуру, но по-

разному видят возможности ее трансляции и изучения. Родители ценят книги и преемственность традиций, молодежь же предпочитает праздники, национальный костюм, общение с единомышленниками в Интернете и т. д. Таким образом, этот сложный процесс требует изучения и сопровождения, и мы по мере сил пытаемся это делать.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо, Светлана Юрьевна. Александр Петрович Марков, прошу Вас.

А. П. МАРКОВ: — Пленарное заседание и вечерашние дискуссии были очень насыщенными — как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане. Общее впечатление: нарастающая тревога по поводу судеб современного мира. В ходе конференции звучали слова о глобальных угрозах для человека. Но, помимо, сегодня человек сам представляет фундаментальную угрозу цивилизации и самой жизни. В этом контексте мне вспомнились две строчки гениального Мандельштама (первая начиналась с известной формулы другого нашего классика: «Человек — это звучит гордо...»), в которых автор метафорически выразил свое предчувствие безобразного финала европейского человека, заслуживающего своими мыслями и деяниями того, что содержится во второй строчке этого короткого стихотворения...

Конференция обозначила ключевые проблемы современной цивилизации. В частности, участники пленарного заседания и дискуссий говорили о глубинном антропологическом кризисе, который переживает европейская цивилизация. Сущность этого кризиса — утрата идентичности, разложение духовного ядра европейской культуры, той объединяющей субстанции, которая в здоровом состоянии удерживается единством прошлого, настоящего и видением будущего. Для понимания этого заболевания уместна такая аналогия: общество с утратой идентичности можно сравнить с психически больным человеком, переживающим распад и отчуждение от собственной личности. Как известно, причина душевных заболеваний — неспособность личности удерживать в сознании собственную биографию в единстве прошлого, настоящего и будущего.

Можно обозначить два ключевых фактора кризиса идентичности: разрушение образа прошлого (в том числе целенаправленное) и отсутствие национальной идеи, способной консолидировать общество, обеспечить единство духовного пространства социума — общность «мы».

Сегодня очевидно: уничтожение нашего прошлого — часть информационной войны, которую Запад ведет с Россией. Цель этой войны — деформация национального самосознания, разрушение системообразующих и консолидирующих нацию оснований, фальсификация исторических событий, выбивающая из-под нации духовные основания идентичности и солидарности, девальвация подлинных смыслов, формирующих нацию событий, символизирующих прежде всего подвиг, жертву и достижение народа (мы помним, что происходило в информационном пространстве в свя-

зи с празднованием Дня Победы 2015 г., да и в этом году тоже).

К сожалению, в глобальном информационном пространстве активно действует «пятая колонна» — исповедующие либерализм отечественные гуманитарии, которыми движет нескрываемая ненависть к Родине. Вольно или невольно, но либералы встают в ряды тех, кто ведет стратегическую информационную войну против России. Приемы, которые используют либералы, известны: целенаправленное искажение событий прошлого, демонизация власти всех времен и эпох, формирование образа народа как скопища рабов, циничное глумление над памятью и судьбами тех, кто, жертвуя многим, создавал эту великую цивилизацию. Остроту этой проблемы на пленарном заседании обозначил В. Т. Третьяков, который говорил об одной из ключевых опасностей информационной войны: во время войны коллаборационисты имеют возможность действовать на территории противника, при этом будучи защищены законами и обладая законными правами и свободами.

И на пленарном заседании прозвучала фраза «Пора разобраться с нашим прошлым». Причем разобраться в определенном смысле — растоптать его, вместе с миллионами тех, кто жил, любил, сотворил эту великую историю и культуру. Дело в том, что прошлое — это душа культуры и народа. А понять ее можно только подобным, любовью, а не ненавистью. По этому поводу Н. Бердяев писал о том, что душу, сердце культуры можно обнаружить только любовью: «Невозможно дать строго научного определения, тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины». При этом отношение народа, нации к своему прошлому всегда избирательно, как и к собственной биографии, в которой человек запоминает лишь те события, которые оказались знаковыми, определили его настоящее и будущее. Нация может понять свое предназначение в мировой истории путем включения в национальное самосознание пиковых состояний государственного и общественного бытия, когда народ максимально полно осуществлял свое призвание.

Ключевой темой двух панельных дискуссий была проблема экспансии международного терроризма. Не могу не высказать своего впечатления по поводу качества и глубины осмысления данного феномена. Прежде всего мне показались не вполне точными определения данного явления, масштабы которого принимают угрожающий характер. Типичные варианты определения, которые звучали на дискуссии: масштабная форма насилия с устрашением, убийство невинных людей и т. д. Дело в том, что такие определения упрощают понимание терроризма, который сегодня становится новой формой войны — глобальной войны слабых, изгоев мира сего. В идеологию этой войны встроена привлекательная в культурном плане и субъективно значимая мотивация участия в террористическом движении (его идеологи оправдывают насилие необходимостью защиты культурных ценностей и святынь). Базовый ресурс терроризма — пассионарность и готовность к самопожертвованию определенной части населения не-

которых регионов ислама. Международный терроризм выступает также средством решения геополитических задач. По данным ООН и Госдепа США, ежегодно совершается около 15 тыс. терактов. При этом в 9 тыс. случаев за теракты никто не берет на себя ответственность, что дает основание считать их имитациями. Геополитические задачи, которые решаются с помощью терроризма, делают труднодостижимой консолидацию усилий государств в борьбе с ним.

Вызывает неудовлетворенность глубина анализа причин расширения социальной базы терроризма. Участники дискуссии справедливо называли политическую нестабильность, кризис капитализма, глобализацию и деструктивную роль СМИ, эффективность программ «духовной вербовки», человеческий фактор — особые психологические качества личности, готовой ради идеи жертвовать своей жизнью. Значимыми факторами являются также высокая рождаемость в государствах ислама и связанная с этим социальная депривация молодежи, провоцирующая чувство ущербности и аутсайдерства.

Но я бы назвал еще два фактора, обеспечивающих расширение социальной базы носителей идеологии терроризма. Первый фактор: ментальная и ценностная несовместимость сторон конфликта: терроризм становится войной цивилизационных матриц (в связи с этим приведу весьма любопытный факт: особая нетерпимость к культуре и обществу стран проживания мигрантов характерна для третьего поколения — внуков выходцев из стран Ближнего Востока). Второй фактор: историко-культурная депривация цивилизационного проекта ислама (Валерий Александрович Тишков в докладе на пленарном заседании назвал это «исторической травмой народа»). Международный терроризм в этом плане — форма исторического возмездия за былые унижения и несправедливость.

К обозначенным выше глобальным проблемам, которые сформировали нерв конференции, я бы добавил еще три, которые, к сожалению, остались на периферии интересов участников пленарного заседания, дискуссий и нашей секции.

Во-первых, это распад национальных государств и опасность реванша национализма. Гибель государств связана с последней стадией европейской культуры — этапом постмодерна, концептуальным обоснованием и выражением которого является философия постмодернизма. Постмодерн инициировал и идеологически легитимировал два глобальных вызова национальным культурам и государствам: а) ультралиберализм, разрушающий ценностно-нормативное поле национальных государств путем активного навязывания политических принципов политкорректности, мультикультурализма и толерантности; б) постмодернизм как

комплексное мировоззрение и политическую практику, заставляющую западную культуру отказываться от ценностей христианства и Просвещения. Активно отвергая эпоху модерна, постмодерн противопоставляет ей плюральность социально-культурного пространства, стимулирует и провоцирует растущее множество отдельных образований — «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик. В перспективе цель проекта постмодерна, по мнению профессора Ю. Д. Гранина, состоит в том, чтобы демонтировать ключевые атрибуты мироустройства, модифицировать классический образ человека, разрушить традиционные структуры социальности, удерживающие совместное пространство национальных государств.

Вторая проблема, остро встающая перед европейской цивилизацией, — опасность реванша исламского цивилизационного проекта, в том числе в виде создания Великого халифата. Представители различных государств исламского мира почти открыто говорят о неизбежности реванша исламского проекта (в частности, этот тезис звучал на недавней конференции «Россия — Иран: диалог культур», которая прошла на базе нашего Университета 8 апреля 2016 г.). Наши иранские коллеги называли два ключевых фактора успеха этого проекта: кризис европейской культуры и пассионарность исламского мира. В представленных на Лихачевские чтения 2015 года тезисах одного арабского коллеги прозвучала тревожная для всех нас мысль: альтернативой халифату может стать грядущий Апокалипсис — ближневосточный хаос с исходом в мировую войну.

И третья глобальная проблема, достойная внимания нашей конференции, — сокращение пространства диалога и нарастающая вражда между Россией и Европой. В докладе Николая Дмитриевича Хренова прозвучала интересная мысль: возврат в 30-е годы прошлого века к византийскому духу стал причиной лютой ненависти Запада к Советскому Союзу, а затем и к России. Корни этого антагонизма в том, что Византия и Европа — две совершенно разные в духовном плане матрицы. Поэтому русская культура — это постоянный упрек европейской цивилизации, не выдержавшей в своей истории трех искушений Христа в пустыне.

В. А. ТИШКОВ: — Уважаемые коллеги, благодарю вас за участие в дискуссии. Все выступления были очень интересные, а разнообразие мнений и оценок говорит о том, что проблемы, поднятые в ходе обсуждения такой сложной темы, как нация и национализм в современном мире, требуют дальнейшего изучения. Надеюсь, мы продолжим наши исследования и в следующем году соберемся снова, чтобы поделиться результатами и своим видением перспектив.